

ФКУ НИИ ФСИН РОССИИ

СУЩНОСТНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ И ПУТИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЕЕ РАСПРОСТРАНЕНИЮ

С.Б. Пономарев, Н.В. Румянцев

Белгород

2020

УДК 130.2, 343.01, 343.9.018, 343.911, 343.939, 395.03

Рецензенты:

Главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, доктор юридических наук,
профессор С.Х. Шамсунов

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский
государственный социальный университет», доктор юридических наук, профессор
В.Ю.Голубовский

С.Б. Пономарёв, Н.В. Румянцев

Сущностное содержание тюремной субкультуры и пути противодействия ее распространению : монография / С.Б. Пономарёв, Н.В. Румянцев. – Белгород : ООО «Эпицентр», 2020. – 97 с.

ISBN 978-5-6044649-4-6

В монографии рассматривается явление пенитенциарной субкультуры, выделяются условия и причины, способствующие ее возникновению и развитию, приводятся сведения о современном состоянии пенитенциарной субкультуры, формулируются предложения о возможности противодействия ее влиянию на осужденных, отбывающих наказание в местах лишения свободы.

Материалы монографии могут быть использованы в практической деятельности сотрудников уголовно-исполнительной системы, в учебном процессе образовательных учреждений ФСИН России, а также в ходе проведения научно-исследовательских работ.

УДК 130.2

ISBN 978-5-6044649-4-6

©ФКУ НИИ ФСИН России, 2020,

©Пономарёв Сергей Борисович, 2020,

©Румянцев Николай Викторович, 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ..	8
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ	34
ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ	45
ГЛАВА 5. ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО	52
ГЛАВА 6. ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА С ПОЗИЦИИ ЭТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА И ТЕОРИИ СИСТЕМ	61
ГЛАВА 7. ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ	74
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	81
ЛИТЕРАТУРА	84

ВВЕДЕНИЕ

Одной из главных проблем, стоящих перед уголовно-исполнительной системой, является устойчивое существование деструктивной неформальной нормативно-ценностной системы - тюремной субкультуры [67].

Известно, что организованная преступность является видом социальной патологии, представляет опасность для общества и государства, дестабилизирует социально-экономическую сферу, угрожает национальной безопасности страны. М.П. Клейменов пишет: «Преступность несет в себе угрозу уничтожения государства. Она в самой себе содержит программу разрушения всего окружающего ... Преступность может настолько поразить государство, его аппарат, что оно перестанет существовать. Подобным образом раковая опухоль уничтожает организм, за счет которого она паразитирует» [43]. Для России проблема организованной преступности приобрела особую актуальность в 21 веке, в связи с тем, что в настоящее время общество все еще преодолевает последствия «лихих девяностых», характеризовавшихся экономическим коллапсом, последовательным разрушением социальных государственных институтов, небывалым всплеском преступности, последовательным геноцидом населения России [73]. Годы правления президента Б.Н. Ельцина были отмечены потрясениями, сравнимыми с последствиями крупной войны [76]. Более 25% россиян одномоментно оказались за чертой бедности [43], в стране появилось около 7 миллионов бомжей и нищих, 3 миллиона проституток, 4 миллиона беспризорных детей [73]. Уровень убийств в России в девяностые годы вырос в 3 раза, уровень случаев умышленного причинения вреда здоровью – в 2,6 раза, уровень краж – в 4,4 раза, число действующих в стране преступных формирований увеличилось почти в 26 раз, число участников этих организаций – в 5 раз [43]. По количеству умышленных убийств Россия вышла на позорное первое место в мире [76].

Следствием этих потрясений является «утрата традиционных культурных ценностей, высокий уровень протестного настроения, правовой нигилизм,

виктимизация населения» [36]. В условиях бандитской приватизации общенародной собственности в 90-е годы «были созданы оптимальные условия для развития организованной преступности» [43, 73]. Произошло образование особого социального и уголовно-правового явления: системы интрузивно-деструктивно-мимикрической преступности [61]. Реализация либеральной идеи в России породила «новый криминальный антропологический проект, в котором произошло перевоспитание партноменклатуры мафией и появление маргинальной элиты» [73]. В результате жить по законам криминальной субкультуры начали не только профессиональные преступники, но и самые рядовые граждане нашего общества [62,91].

Действующий в обстановке моральной, экономической и культурной дезорганизации общества в 90-х годы XX века, преступный мир стал активно вовлекать в свои ряды новых членов, значительно расширил границы своего влияния, проник в органы власти, подчинил себе бизнес-процессы, внес коррупцию в работу правоохранительных органов.

Другим фактором (наряду с развитой организованной преступностью), влияющим на развитие тюремной субкультуры является высокая доля ее носителей, сконцентрированных в уголовно-исполнительной системе. В течение последних ста лет в России наблюдалась беспрецедентно завышенная концентрация осужденных в местах лишения свободы, что не могло не сказаться на формировании специфичной формы криминальной субкультуры: тюремной субкультуры (которая рядом ученых отождествляется собственно с криминальной субкультурой). До сих пор численность тюремного населения России можно сравнить с населением малой европейской страны. На пике периода политических репрессий в колониях и тюрьмах СССР содержалось 2 756 тысяч человек, к началу 21 века при сокращении населения страны приблизительно в 2 раза (за счет ускоренной убыли населения России и образования новых государств – выходцев из СССР) в российских местах лишения свободы отбывало наказание более миллиона граждан (исторический

максимум отмечен в 2000 году- 1064 тысячи человек). К концу XX века примерно каждый четвертый мужчина в России имел опыт лишения свободы [94].

Оба эти фактора (высокая доля тюремного населения и рост организованной преступности в 90-е годы XX века) способствовали прогрессированию и развитию российской тюремной субкультуры, ныне не имеющей аналогов нигде в мире.

Как пишет Ю.Ю. Черкасова, именно «в условиях рассогласования моральной и правовой регуляции, дисфункциональности основных социальных институтов... отмечается рост криминализации, стирается сама возможность различения социально позитивного и негативного поведения» [108]. Специалисты отмечают, что «чем более распространены в обществе разные типы преступлений и правонарушений, тем более криминализировано общество и тем активнее в культуре используются установки тюремной субкультуры» [42].

Таким образом, «обретая свое собственное, независимое существование, тюремная субкультура распространяет свое влияние не только в рамках тюрьмы, но также и за ее пределами» [44], стремится к расширению своих границ, выходит за пределы пенитенциарной системы, захватывая новые социокультурные пространства [36,62]. Она претендует на лидирующее положение в российском обществе, утверждая чуждые культуре социума ценности и нормы [36].

Значительный вред субкультура преступников оказывает на порядок и условия исполнения наказания, так как именно «тюрьма» в настоящее время является кузницей «воровских» идей, взглядов, убеждений [11]. Существование тюремной (пенитенциарной) субкультуры обеспечивают ее активные носители – осужденные отрицательной направленности, формирующие криминальную систему ценностей. При этом В.В. Тулегенов особо подчеркивает прямую корреляцию пассивности уголовно-исполнительной политики государства с прогрессированием и укоренением тюремной субкультуры [98].

Указанное положение дел предполагает необходимость более эффективного поиска мер, направленных на противодействие укреплению тюремной (пенитенциарной) субкультуры. Таким образом, указанная проблема приобретает все большую и большую актуальность, ибо через анализ тюремной субкультуры возможно определить стратегические направления борьбы с организованной преступностью.

ГЛАВА 1. ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА КАК СОЦИАЛЬНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Известно, что тюремная субкультура это уникальный культурный феномен, не имеющий аналогов в других странах мира, представляющий собой «совокупности духовных и моральных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы» [73,101,107].

Следует подчеркнуть, что тюремная субкультура – это интернациональное явление и устойчивое мнение о существующем общем кризисе системы исполнения наказаний получило широкое распространение в странах Европы, где общество недостаточно эффективно справляется с системой неформальных норм, определяющих отношения между осужденными [122,123]. Как считает Т. Mathieesen, «в течение всей своей истории на практике тюрьма никогда не обеспечивала реабилитации, заключение никогда не приводило к возвращению людей в общество» [118]. В монографии М. Foucault «Surveiller et punir: Naissance de la prison» [105,116] высказаны следующие соображения по поводу сущности института исполнения наказаний:

- тюремное сообщество организует обучение неопытных преступников воровским профессиям и превращает их в профессиональных рецидивистов.
- тюремное заключение не снижает уровень преступности, не исправляет преступников.
- существование в тюрьме - это привычный и удобный образ жизни арестантов, позволяющий им не заботиться о еде и жилище, о поисках работы и средств к существованию.
- Тюремное содержание способствует организации преступного сообщества.

Пораженческая позиция западного общества по отношению к тюремной субкультуре проявляется в зарубежных странах в том, что администрация исправительных учреждений там «нередко идет на прямое сотрудничество с представителями криминального социума, прямо потакая удовлетворению

противоправных действий осужденных. Тут можно упомянуть такие, практикуемые в «демократичных» странах, явления, как узаконенная раздача презервативов для гомосексуальных контактов, метадоновые программы, снабжение заключенных шприцами для введения наркотиков, существование частных тюрем на средства общественных фондов, а реально – воровских «общаков» и т.п.)» [73].

Указанное в определенной мере касается и ситуации, существующей в российской уголовно-исполнительной системе. Как отмечает в своей докторской диссертации Н.В. Тищенко, «в современной культурной ситуации функционирование пенитенциарной системы не соответствует тем идеологическим основам, которые повлияли на ее формирование» [93]. Поэтому некоторые ученые-пенитенциаристы стоят на позиции отрицания цели исправления, либо считают, что условия достижения этой цели должны быть кардинальным образом изменены и предельно конкретизированы [35,72,100].

О бесплодности попыток исправления личности преступника в условиях отбывания наказания сообщают А.В. Пицелко и Д.В. Сочивко [70]. Как отмечают авторы, именно в тюрьме «шлифуются преступные навыки, приобретаются новые приемы совершения преступных действий, укрепляется сплоченность вокруг значимых идей и криминальных интересов, вырабатывается готовность к агрессии» [70].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что в существующих условиях лишение свободы, как мера наказания, во многом утрачивает такие свои функции, как устрашение, возмездие, перевоспитание и профилактика дальнейших преступлений. «Именно концентрация преступников в одном месте (тюрьма и т.п.) создает ту специфическую среду, которая навязывает свои ценности и оценки без возможности их игнорировать» [43]. «В России, где имеет место влияние тюремной субкультуры, места лишения свободы интерпретируются, как социальные пространства, способствующие повышению социального статуса и приобретения уникального опыта. Пребывание в местах

лишения свободы не означает прерывание криминального опыта, а, напротив, способствует его расширению и трансформации в более важный – тюремный опыт» [94].

Поэтому многие ученые единодушны во мнении, что система исполнения наказаний не в полной мере обеспечивает выполнение своей основной функции - исправления заключенных [54,81,111].

Самовоспроизводство тюремной субкультуры в России осуществляется посредством обучения преступному ремеслу, происходящем в пенитенциарных учреждениях [36,56]. «Российские «школы жизни» не исправляют осужденных, а погружают их в криминальную культуру, усиливая их криминальные установки, что после освобождения помимо ретрансляции криминальной культуры в обычную среду нередко способствует повторному совершению ими преступлений» [36].

И.В. Лысак и Ю.Ю. Черкасова пишут «Тюремное заключение в целом оказывает негативное воздействие на личность заключенного и не способствует его перевоспитанию и включению в нормальную жизнь» [54]. Как считает Н.А. Яковлев, в тюрьме наблюдается «полная несостоятельность уголовно-правовых, педагогических и организационных мер» [114].

Изучением тюремной (и криминальной – в целом) субкультуры в XIX-XXI веках занимались многие отечественные юристы, криминологи, социологи, психологи, культурологи, философы, лингвисты, педагоги. Это: Ю.К. Александров, Ю. А. Алфёров, В.М. Анисимков, Н.А. Андреев, Ю.М. Антонян, А. Р. Багаутдинова, Ю.И. Блохин, А.Г. Бронников, А.Е. Брусневский, Д. С. Балдаев, Б.Ф. Водолазский, А. И. Гуров, Ю. П. Дубягин, М.Г. Детков, Ю.А. Дмитриев, Д.Г. Донских, Д.А. Дриль, М.Н. Гернет, Я.И. Гилинский, Ю.В. Голик, Е.С. Ефимова, А.А. Иванова, В.Р. Кабо, Б.Б. Казак, В.И. Катин, П.И. Карпов, Я.М. Коган, Д.А. Корецкий, С.И. Курганов, Д.С. Лихачев, И.В. Лысак, П.И. Люблинский, С.Я. Лебедев, А.С. Михлин, А.И. Мокрецов, В.В. Новиков, А.Н. Олейник, С. Г. Ольков, В.Ф. Пирожков, Е.В. Письменный, А.В. Пищелко, С.В.

Познышев, А.Л. Ременсон, Л.С. Самойлов, В.Я. Семке, А.А. Сидоров, О.В. Старков, Д.В. Сочивко, Н.А. Стручков, А.И. Сухов, А.А. Тайбаков, Н.В. Тищенко, В.В. Тулегенов, А.И. Ушатиков, Р.А. Ханипов, Г.Ф. Хохряков, Ю.Ю. Черкасова, В.В. Шемякина, В. Е. Южанин, Н.А. Яковлев и многие другие.

Как отмечает Н.В. Тищенко, «в современной отечественной исследовательской литературе можно выделить три направления изучения тюремной субкультуры» [93]. Это:

- 1) рассмотрение ее в правовом и криминологическом аспектах;
- 2) рассмотрение ее в историческом аспекте;
- 3) рассмотрение ее в социокультурном и антропологическом аспектах.

Добавим в этот список также такие стороны рассмотрения тюремной субкультуры, как ее анализ с применением положений теории систем, синергетики, этологии человека [73], лингвистики [110], философии [55,65].

Однако, несмотря на высокую изученность и многочисленные предложения по борьбе с ней, тюремная субкультура является устойчивым социальным явлением, и многолетние попытки снизить ее влияние среди коллективов осужденных, к сожалению, не приводят к значительному успеху.

Необходимо сказать, что в целом субкультуры расцениваются учеными как «подсистемы целостной системы культуры общества, как частного случая культуры конкретного этноса, как локальной культуры, стремящейся к замкнутости, как «сгустка» ценностей, норм, идеалов, к которым притягиваются различные индивиды» [53]. Согласно общему мнению исследователей, субкультура - это «система ценностей, установок, способов поведения и жизненных стилей определенной социальной группы, отличающейся от господствующей в обществе культуры, хотя и связанной с ней» [1].

Субкультуры традиционно рассматриваются как элементы системы культуры любого общества, как целостные образования внутри господствующей культуры, отличающиеся от последней своими ценностями и нормами, способами их создания, распространения и потребления.

Культурный код любой субкультуры формируется в рамках общей культуры того или иного общества. Поэтому большинство субкультур «не претендуют на то, чтобы заместить собой господствующую культуру» [53]. Но, вместе с тем, «ряд субкультур изначально формировался в качестве альтернативы официально одобряемой культуре и элемент конфронтационности в них достаточно отчетлив. Именно к такой альтернативной, конфронтационной субкультуре и относится тюремная субкультура» [53], которую можно охарактеризовать как деструктивную неформальную нормативно-ценностную систему [66], охватывающую коллективы лиц, находящихся в местах лишения свободы [25].

При этом декларируемые тюремной субкультурой ценности и стандарты поведения настолько противоречат нормам, принятым в человеческом обществе, что это позволяет расценивать тюремную субкультуру как контркультуру, противостоящую традиционно существующей в обществе культуре.

Следует отметить, что, несмотря на то, что в настоящее время существует большое число научных работ, посвященных тюремной субкультуре, у исследователей до сих пор отсутствует единое мнение о ее сущности [14,44,53,98]. «Серьезной проблемой при изучении тюремной субкультуры является несогласованность методологической позиции авторов, в связи с чем тюремная субкультура трактуется ими по-разному» [54].

Так, например, А.Н. Олейник определяет тюремную субкультуру как «совокупность норм и ценностей, преимущественно неписанных, структурирующих взаимодействия между находящимися в заключении людьми» [64]. Ю.А. Дмитриев и Б.Б. Казак характеризуют тюремную субкультуру как «совокупность духовных и материальных ценностей, регламентирующих неофициальную жизнь осужденных в местах лишения свободы» [29]. Н.П. Барабанов расценивает ее как систему «норм, ценностей, традиций, обычаев, регулирующих поведение осужденных в неофициальной структуре учреждений, исполняющих уголовные наказания в виде лишения

свободы» [18]. И.В. Лысак и Ю.Ю. Черкасова рассматривают тюремную субкультуру как подсистему целостной системы культуры общества, которая «представляет собой совокупность образа жизни, норм, ценностей, ритуалов, культурных артефактов, выработанных лицами, отбывающими наказание в учреждениях пенитенциарной системы» [55]. Е.С. Ефимова подчеркивает, что тюремная субкультура – это прежде всего «система, обладающая своим символическим языком и собственной картиной мира» [33]. М. Platek отмечает, что «тюремная субкультура включает нормы, традиции, ритуалы, жаргон, жесты, принципиально отличные от тех, которые предполагают уголовно-исполнительное законодательство и внутренний распорядок тюрьмы» [119]. Е.В. Письменный оценивает ее как «спонтанно формирующуюся вторичную адаптивную среду, генерируемую и развивающуюся в результате действия в местах лишения свободы ряда специфических социокультурных факторов, где сущностным механизмом генерации этой субкультуры является процесс мифологизации» [69]. Е.П. Ткачева пишет, что тюремная субкультура - это в первую очередь «совокупность знаковых кодов», «открытая и динамично развивающаяся мифосемиотическая система, осуществляющая постоянный информационный обмен с традиционной культурой общества», базирующаяся на «синкретизме архаического и религиозного сознания» [96]. В.Ф. Пирожков расценивает тюремную субкультуру как неформальную жизнь преступников, содержащихся в местах лишения свободы [67]. Н.А. Яковлев оценивает тюремную субкультуру как «духовную жизнь относительно ограниченной части общества, граждан, находящихся в пенитенциарных учреждениях, имеющую криминальную направленность» [114]. А.И. Мокрецов и В.В. Новиков определяют тюремную субкультуру как «относительно устойчивую совокупность специально выработанных принципов, правил и стандартов поведения, которые разделяются, поддерживаются значительным числом осужденных, детерминируют их активность и определяют положение а также степень влияния в среде ближайшего окружения (микросреде)» [59]. С точки

зрения В.Г. Громова «пенитенциарная субкультура представляет собой сформированную в местах лишения свободы систему политических, идеологических, правовых, нравственных, философских, религиозных, эстетических норм, правил поведения, традиций, взглядов и идей, присущих лицам с устойчивыми антисоциальными и асоциальными ценностями, ориентациями и установками» [26]. Ю.Ю. Тищенко и соавторы приводят следующее определение пенитенциарной субкультуры: «пенитенциарная субкультура - это вид криминальной субкультуры осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы, формируемый в процессе вынужденного стремления приспособиться, самоутвердиться в сообществе, разделяющем отдельную систему ценностей, понятий, обычаев, регулирующих взаимоотношения между лицами, находящимися в местах принудительного содержания» [95]. Тюремная субкультура может также рассматриваться и как передающийся от поколения к поколению внегенетическим путем информационный массив, включающий традиции, навыки и внутренние законы преступного сообщества, что создает условия для репликации индивидуальных программ поведения и вовлечения в сферу деятельности преступного сообщества новых носителей криминальной субкультуры [73]. В целом, субкультуру осужденных можно «рассматривать как своеобразную динамическую систему, как результат компромисса между условиями, в которых вынужден находиться преступник, и необходимостью самоутверждения, поддержки в сообществе» [95]. Всего же насчитывается около 40 определений термина «тюремная субкультура», данных в различное время различными авторами [73]. Из приведенного краткого описания возможных определений пенитенциарной субкультуры можно сделать вывод о том, что она должна рассматриваться комплексно и полиаспектно, так как «с философско-социологической точки зрения тюремная субкультура не является лишь некой совокупностью социокультурных характеристик и ценностно-нормативных образцов поведения» [44].

Описывая особенности тюремной субкультуры, некоторые ученые-пенитенциаристы ставят знак равенства между криминальной и тюремной субкультурами, другие исследователи считают тюремную субкультуру видом криминальной субкультуры [4,47,114], третьи – рассматривают их как самостоятельные явления [19]. Как отмечает Н.П. Барабанов, тюремная субкультура напрямую связана с преступной субкультурой, но в местах лишения свободы имеет отличие, обусловленное особенностями системы ценностных ориентаций осужденных [18]. Таким образом, «все исследователи единодушно признают наличие и существование криминальных корней, и их влияние на образ жизни в условиях отбывания наказания в виде лишения свободы» [95].

Ряд ученых применяют вместо термина «тюремная субкультура» также такие термины, как «пенитенциарная субкультура» [114], «тюремно-воровская субкультура» [69], «уголовная субкультура» [81], «преступная субкультура» [91], «криминальная культура» [36,97,107].

Изучая криминальную субкультуру, В.В. Тулегенов выделил в ней следующие три составляющие:

- 1) субкультуру профессиональных преступников;
- 2) субкультуру преступников, входящих в организованные преступные формирования;
- 3) субкультуру наркоманов[98].

Тюремная субкультура, по мнению В.В. Тулеганова, это своеобразный «сплав» этих трех направлений и существует она исключительно в местах лишения свободы [36, 98]. С этой точки зрения тюремная субкультура – это особый тип криминальной субкультуры [36], «сформированный в результате слияния различных субкультур как криминального, так и некриминального характера являющийся компромиссом между микросредой осужденных и обществом и направленный на выживание в экстремальных условиях лиц, преступивших уголовно-правовые запреты, а также сохранение ценностей преступного мира» [98]. Как считают И.В. Лысак и Ю.Ю. Черкасова,

«криминальная субкультура является средством трансляции тюремной субкультуры в социум» [53]. А. Самойлов (Л.С.Клейн) пишет, что тюремная субкультура «отличается не только от общей культуры народа, но и от уголовной субкультуры на воле, представляя, так сказать, ее конденсат, и тут действуют такие процессы и структуры, которых на воле нет» [81].

А. Коэн, автор теории субкультур, отмечал, что криминальная субкультура оказывает активное противодействие общей культуре. При этом личность вовлеченного в криминальную субкультуру человека формируется и развивается в изолированной группе носителей криминальной субкультуры, члены которой обладают системой ценностей, отличной от общепринятой. И именно конфликт между собственно культурой и криминальной субкультурой представляет собой устойчивый криминогенный фактор. Преступность, паразитируя на обществе и перерабатывая плоды его культуры, тем самым паразитирует на традиционной культуре, являясь по существу ее отрицанием. Криминальная субкультура, как «система исторически развивающихся внебиологических программ человеческой жизнедеятельности, обеспечивающих воспроизводство и изменение социальной жизни» [89] постоянно воспроизводит ее носителей –преступников и осуществляет экспансию во внешнее культурное пространство.

Считается, что тюремная субкультура значительно отличается от других субкультур тем, что она сформировалась в особых условиях: в рамках закрытого, изолированного от общества социального пространства [44]. В условиях принудительной социальной изоляции формируются специфические для мест лишения свободы нормы поведения, мировосприятие, язык, обычаи и мифология [66]. Поэтому тюремная субкультура является наиболее маргинальной из всех существующих субкультур. [54,108]. Ее характеризуют «скрытый, тайный характер; наличие носителей в виде неформальных малых групп отрицательной направленности, негативное отношение к официально установленным правилам, требованиям; существование определенных

атрибутов, символов, условностей, обязательных для выполнения; стратификация» [64,67]. Р.А. Ханипов отмечает, что «феномен российской тюремной культуры является уникальным и тотальным» [107]. Существующая в России система организованной преступности порождает «свои нормы, ценности, ожидания, стереотипы, критерии, язык. В ней существуют своя иерархия, собственные органы управления и юстиции. Нахождение в этой среде даже непродолжительное время уже оставляет отпечаток на личности человека, формирует его психологию и нравственный мир» [43].

Тюремная субкультура «характеризуется наличием у группы преступников особой структуры межличностных взаимоотношений, сложной системы неформальных норм (традиций, обычаев), регулирующих их поведение, жаргона, татуировок и других внешних атрибутов, а также – особой шкалы ценностей и способов их достижения» [43]. Она является «духовной и материальной основой существования и деятельности преступного мира, живущего по своим законам» [29].

Известно, что любая культура это «полимодальная система, в которой человеческая модальность – психически-духовная способность к разнообразной продуктивной деятельности – переходит в процессах опредмечивания в практически-деятельностную модальность, т.е. в реально созидающие «вторую природу» способы деятельности [36]. Исходя из этого А.И. Ушатиков и Б.Б. Казак (2003) считают, что структуру тюремной субкультуры образуют во-первых субъективные человеческие силы и способности и, во-вторых, предметные результаты деятельности преступных сообществ. К субъективным человеческим силам и способностям относятся [101]:

- знания, умения профессионально-преступные навыки и привычки;
- «философия» уголовного мира;
- особый уровень индивидуального и группового нравственного и правового сознания, облегчающие противоправное поведение;

- эстетические потребности, извращенные вкусы и предпочтения;
- уголовная мифология, окружающая ореолом «честности» и «смелости» преступников и их деяния;
- внутригрупповая психология отношений и управления преступным сообществом;

Вторую составляющую тюремной субкультуры образуют предметные результаты деятельности преступных сообществ (орудия и средства совершения преступлений, материальные ценности, как правило, добытые преступным путем, денежные средства, накапливаемые в «общаке» и т.п.) [29,101].

А.И. Мокрецов и В.В. Новиков описывают следующие функции тюремной субкультуры [59]:

- регулятивная функция (регулирование взаимодействия осужденных);
- мотивирующая и оценочные функции (определяют образцы ролевого поведения и критерии оценивания личности или малых групп);
- защитная функция (сохраняет негласные правила «тюремного закона», поддерживает его значимые ценности);
- информационная функция (обеспечивает предоставление необходимой информации и каналы доставки таковой);
- консервирующая функция («узаконивает» сложившуюся дифференциацию межличностных статусов).

Содержание тюремной субкультуры можно свести к следующим положениям [29,101]:

- жестокость по отношению к более слабым лицам, отсутствие чувства сострадания к людям;
- нечестность и двурушничество в отношениях с администрацией и «чужими»;
- паразитизм и тунеядство, освященное традициями и тюремными «воровскими законами»;
- вымогательство у лиц, стоящих на низших ступенях групповой иерархии;

- картежные игры, алкоголь и наркотики, как средство сплочения преступной группы.

Как отмечает Н.П. Барабанов, к характеристикам тюремной субкультуры можно отнести следующие [18]:

- негативное отношение к труду;
- криминогенный способ поведения, выражающийся в несоблюдении официальных норм;
- следование субкультурным нормам;
- криминальные знания, умения, профессионально-преступные нравы и привычки;
- мировоззренческие установки преступного мира, отрицающие вину и ответственность за криминальные деяния, оправдывающее преступный образ жизни» [18].

С.Я. Лебедев выделяет следующие группы элементов, присущих криминальной субкультуре [51] :

- регулятивные – «законы» и «правила», регулирующие взаимоотношения между преступниками, ритуалы общения и поведения;
- атрибутивные – татуировки, жаргон, клички, мимика, жестикуляция;
- эмоциональные: песни, стихи, поговорки.

Исходя из этого, в целом можно выделить следующие основные функции тюремной субкультуры [51]:

- стратификационная функция (деление лиц, отбывающих наказание, на касты);
- поведенческая функция (определение норм поведения личности в условиях отбывания наказания);
- воспроизводящая функция (численное воспроизводство участников преступного сообщества, придерживающихся правил тюремной субкультуры);

- опознавательная функция (определение лиц – членов преступного сообщества с помощью системы опознавательных знаков: жаргона, татуировок и т.п.);
- регуляторная функция (поддержание иерархической системы взаимоотношений в тюремном социуме);
- коммуникационная функция (поддержание общения с членами преступного сообщества);
- сексуально-эротическая функция (циничное отношение к половой жизни, гомосексуальная активность);
- финансовая функция (денежные поборы, содержание «общака», подкуп должностных лиц и т.п.);
- материально-техническая функция (создание материальных ценностей, изготовление оружия, средств доставки запрещенных предметов и т.п.);
- досуговая функция (специфическая культура отдыха и развлечений);
- функция формирования личности (психологическая деформация личности отбывающего наказание гражданина);
- функция формирования отношения к здоровью (курение, алкоголизация, наркомания, отказы от лечения, «мастырничество»).

А.Н. Олейник выделяет следующие четыре критерия, определяющие строение тюремной субкультуры [64]:

1. степень дифференциации сфер повседневной деятельности;
2. степень персонификации отношений;
3. степень дуализма социальных норм;
4. степень институционализации насилия.

В целом преступная (и, следовательно, тюремная) субкультура отражает качественное состояние правовой жизни общества, передавая антиправовые ценности от одного поколения преступников к другому [7].

Следует особо подчеркнуть, что тюремная (пенитенциарная) субкультура, как и любая другая субкультура, содержит не только предметные результаты

деятельности ее членов, но также включает в себя субъективные человеческие качества, которые реализуются в процессе криминальной деятельности. Сюда относятся привычки и навыки, знания, умения, а также - мировоззрение, формы и способы взаимного общения, способы разрешения конфликтов и т.п.

Традиционно считается, что на формирование тюремной субкультуры влияет комплекс различных факторов, которые условно можно разделить на внешние и внутренние. Внутренние «действуют внутри системы изоляции, являются внутренними детерминантами. Внешние причины и условия относятся к факторам, функционирующим вне мест лишения свободы» [95].

Внутренние факторы связаны, прежде всего, с процессами, которые происходят в микросреде осужденных. Тут большое влияние имеют личностные характеристики, усвоение и передача криминальных норм поведения и укоренение криминальных традиций [11].

Внешние факторы выражаются в отношении государства к преступности в целом [95], в уголовно-исполнительной политике, реализуемой в исправительных учреждениях [27]. Как отмечают Ю.Ю. Тищенко и соавторы, «уголовно-исполнительная политика и субкультура осужденных находятся в своеобразном неизбежном противоречии. Чем больше сфера условий жизни осужденных регулируется государством, тем меньше форм и способов проявления у субкультуры осужденных» [95].

К внутренним причинам проявления пенитенциарной субкультуры относятся [95]:

- самоорганизация преступников в противовес обществу;
- объединение осужденных в общины, «семьи», группировки с помощью собственной системы правил;
- противопоставление своей системы существующим в исправительном учреждении правилам и порядкам.

К внешним причинам проявления пенитенциарной субкультуры можно отнести [95]:

- изоляцию от общества;
- утерю традиционных ценностей;
- социальную депривацию.

Формирование тюремной субкультуры зависит от соответствующих условий, которые также можно разделить на внутренние и внешние. К внутренним условиям появления пенитенциарной субкультуры относятся [95]:

- потребность в общении, в оценке их социальных установок и взглядов, самоутверждении в обществе;
- неизбежность взаимного криминального «заражения» путем общения, передачи необходимой информации;
- попустительство, безразличие должностных лиц исправительного учреждения.

К внешним условиям возникновения пенитенциарной субкультуры относятся [95]:

- неблагоприятная экономико-политическая ситуация в стране;
- криминализация социальных отношений;
- проникновение во власть и экономику уголовных элементов
- дискредитация авторитета органов внутренних дел, уголовно-исполнительной системы;
- влияние средств массовой информации, пропагандирующих и мифологизирующих преступную субкультуру.

Известно, что тюремная субкультура обладает самопотенцирующим действием, ибо влияние на личность осужденного со стороны других осужденных –носителей криминальной субкультуры в условиях лишения свободы представляет собой концентрированное негативное явление [8]. Как отмечает М.М. Бабаев, «преступная деятельность оказывает негативное воздействие на самих преступников, углубляя и умножая отрицательные черты их личности и тем самым создавая дополнительные предпосылки для рецидива, который можно обоснованно считать проявлением процесса

самовоспроизводства преступности» [13].

Под воздействием тюремной субкультуры осужденный, находящийся в условиях изоляции, усваивает криминальные традиции, нормы поведения и ценностно-нормативные установки, в результате чего происходит процесс криминализации личности [18]. В условиях принудительной изоляции от общества наблюдается «деградация личности, стигматизация преступника, что сильно ослабляет чувство собственного достоинства осужденного и затягивает его еще глубже в преступную карьеру» [112].

Так, например, в исследовании, проведенном сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России в 2019 г. выяснено, что «каждый третий осужденный сознательно допускает возможность совершения преступления и причинения вреда в целях достижения для себя определенных благ», а 57,5% опрошенных назвали способом решения возникающих в микросреде осужденных конфликтов правила криминальной субкультуры [95]. Более половины из опрошенных заявили, что для разрешения конфликтной ситуации они обратятся за помощью к представителям криминальных групп, придерживающихся правил тюремной субкультуры, а 54,4% осужденных испытывают уважение к людям, живущим по законам преступного мира. 16,4% осужденных отметили, что после освобождения они будут придерживаться традиций тюремной субкультуры [95].

Из сказанного можно сделать вывод о том, что опасность тюремной субкультуры заключается в том, что она, обеспечивая преемственность криминального опыта, способствует воспроизводству преступности [80].

Известно, что на формирование современной тюремной субкультуры оказали значительное влияние процессы, происходящие в нашей стране во времена ГУЛАГа, когда в некоторые моменты времени в местах лишения свободы одновременно содержалось более 2,5 миллионов человек [78].

Как считает В.Ф. Пирожков, качественный скачок в развитии тюремной субкультуры произошел именно в годы культа личности Сталина, когда в места лишения свободы стали массово поступать передовые люди страны (ученые,

философы, военные, работники культуры и искусства), что не могло не сказаться на формировании специфичной для России тюремной субкультуры [68]. М.П. Клейменов также считает, что идеологизация воровского «движения» (появление кодекса вора, правил его поведения, романтизация и мифологизация тюремной жизни) – это результат отношения советской власти к «классово чуждым элементам» (дворянам, духовенству, белому офицерству и т.п.) в большом количестве содержащимся в местах лишения свободы в 20-30-е годы XX века [43]. Именно в это время были разработаны и окончательно оформлены базисные основы философии преступного мира и т.н. «воровского закона».

В его основе лежат всего 6 основных постулатов [3]:

1. Вор должен соблюдать и поддерживать «воровскую идею»;
2. Воры должны быть честными по отношению друг к другу;
3. Необходимо вовлечение в свою среду новых людей (предпочтительно молодежь);
4. Недопустимо быть прислугой у представителей правоохранительных органов;
5. Нельзя заниматься политической деятельностью;
6. Необходимо способствовать установлению власти «воров в законе» в исправительных учреждениях.

Из указанных положений вытекают следующие «воровские понятия»: вор должен:

- Отказываться от любого сотрудничества с администрацией (и вообще с властными структурами);
- Никогда не давать показания;
- Никогда не признавать свою вину;
- Соблюдать порядок «в зоне»;
- Способствовать незаконному снабжению заключенных в ШИЗО - ПКТ;
- Пополнять «общак»;

- Чтить родителей (особенно мать);
- Учить «правильной» жизни молодежь;
- Не прописываться по месту жительства;
- Честно играть в азартные игры;
- Не мстить исподтишка;
- Не «крысятничать»;
- Не насиловать женщин.

Указанные положения формируют «тюремный закон» (то есть их непосредственное применение во время нахождения арестанта в местах лишения свободы) [3]. При этом «правильный арестант» должен:

- Выделять долю в общак;
- Не может поднять руку на «вора в законе»;
- Должен почитать старших;
- Должен почитать родителей;
- Должен искоренять доносительство;
- Нельзя отнимать что угодно у кого угодно без веского основания;
- Нельзя предъявлять обвинения без доказательств;
- Нельзя оскорблять;
- Следует поддерживать семейных людей;
- Нельзя вступать в секции;
- Нельзя воровать у своих [3].

Из указанных положений вытекает множество правил и обычаев, присущих местам лишения свободы. Как писал В.Т. Шаламов «Тюремный кодекс несложен. Но за столетия он оброс тысячами традиций, святых обычаев, мелочное выполнение которых тщательно блюдетя хранителями воровских законов. Блатари – большие талмудисты!» [109].

Продолжающееся проникновение криминала в бизнес и политику, появление «новых» воров, ослабление деятельности правоохранительных

органов в период «лихих девяностых» привели к тому, что в настоящее время в местах лишения свободы большинство из положений «классического» «тюремного закона» в той или иной мере перестали действовать. Незыблемыми остаются следующие три правила:

1. Не воровать у своих (не «крысятничать»);
2. Выделять долю в общак;
3. Непримируемое отношение к доносительству.

Как было сказано выше, одним из основных положений «воровского закона» является обязанность вовлечения в криминальную (и тюремную) субкультуру новых (желательно молодых) людей, расширение пропаганды криминальной культуры.

Срастание преступности с бизнесом и политикой привело в новой России к тому, что ценности тюремной субкультуры, тюремная романтика усиленно популяризируются в настоящее время средствами массовой информации (распространение «фени», тюремный шансон, «бандитские» сериалы, популяризация преступного поведения среди бизнесменов, работников эстрады, государственных деятелей и т.п.) [41,73,76]. Этому процессу способствует продолжающаяся мифологизация представлений о местах лишения свободы [108].

Социологи считают, что в основе «тюремного закона» лежит т.н. феномен социального мифа, впервые описанный А. Шопенгауэром и Ф. Ницше, который рассматривается как некая необходимая иллюзия, служащая для консолидации социума. Классиками культурологии и социальной психологии неоднократно подчеркивалось мощное деструктивное действие социального мифа.

Е.В. Письменный различает следующие функции тюремно-воровской мифологии [69]:

- социально-практическую (организация тюремного кастового сообщества),
- аксиологическую (ценностная детерминация субкультурных феноменов, проявляющаяся в их сакрализации либо табуизации),

- идеолого-прагматическую (формирование представлений о картине мира посредством ритуальных действий),
- коммуникативную (воровской жаргон, татуировки, фольклор),
- нормативную (система тюремных «понятий»),
- социально-компенсаторную (субституты, формируемые мифологическими средствами),
- эстетическую (эстетизация образа арестанта посредством арго, татуировки и т.д.),
- социализирующую (тюремная «прописка», коронация вора и т.п.).

Как считают ученые-пенитенциаристы, «привлекательность субкультуры обусловлена тем, что в ней имеются возможности для самоутверждения осужденных и компенсации неудач, постигших их в обществе» [101]. Она «позволяет видеть врага в лице правоохранительной системы, отдельных ее представителей и законопослушных граждан, помогает оправдаться в собственных глазах, повышает внутреннюю самооценку» [59]. Не найдя своего места в обществе, асоциальные личности «формируют круг своих знакомств и контактов таким образом, чтобы создать своеобразную среду, в которой их значимость безоговорочно признается» [85].

В. Шаламов писал: «Художественная литература вместо того, чтобы заклеить уголовщину, сделала обратное: подготовила почву для расцвета ядовитых ростков в неопытной, неискушенной душе молодежи» [109]. Написанные в середине прошлого века строки актуальны и поныне. Благодаря наблюдающейся криминализации российского общества в пропаганде антисоциальных ценностей тюремной субкультуры участвует сегодня радио, телевидение, кинематограф и Интернет [30,36,41,57,73,107]. В результате «ценности, модели поведения, способы субъективизации, языковые нормы тюремной субкультуры воспринимаются как должное как неотъемлемая часть общественной жизни и индивидуальных стратегий» [94]. Странную позицию в создавшейся ситуации занимает российское государство, нередко

спонсирующее пропагандирующие ценности тюремной субкультуры проекты [22,62]. Указанное может быть объяснено тем, что в условиях проникновения преступных элементов в высшие эшелоны власти «искусственная мифологизация мест лишения свободы в России осуществляется при активной поддержке преступного сообщества, вербующего таким образом новых сторонников, деятелей «теневого» экономики, тесно связанных с криминалом, и отдельных политиков, преследующих цель легитимации насилия, как метода политической деятельности. Заинтересованные в мифологизации тюрьмы лица целенаправленно финансируют политтехнологов, журналистов, представителей искусства, которые, не всегда осознавая последствия своих действий, способствуют экспансии тюремной субкультуры» [108]. Таким образом, «образы и ценности тюремной субкультуры становятся частью современных литературных текстов и кинотекстов, в которых они не осуждаются, а представляются наиболее эффективной стратегией выживания и достижения цели» [94]

Приведем по этому поводу слова В.Т. Шаламова, который считал, что «героизация преступников аморальна, а тюремная сентиментальность – это сентиментальность убийцы, поливающего грядку с розами кровью своих жертв» [109].

К сожалению действительность такова, что сегодня уже в школе ребенок сталкивается с таким явлением, как «АУЕ» (арестантское уркаганское единство): продуманной системой вовлечения несовершеннолетних в криминальное сообщество и организацией вымогательств и денежных поборов в пользу отбывающих наказание бандитов.

В целом «нормы и правила тюремной субкультуры присутствуют на сегодняшний день в большинстве сфер деятельности людей, например в искусстве, языке повседневного общения, способах взаимодействия между людьми, жизненных ценностях» [94].

Однако, на деле ценности тюремной культуры противоречат нормам, принятым в человеческом обществе. В. Шаламов пишет: «Яд блатного мира невероятно страшен. Отравленность этим ядом – растление всего человеческого в человеке ... Подземное уголовное царство- мир, где целью жизни становится жадное удовлетворение низменнейших страстей, где интересы – скотские, хуже скотских, ибо любой зверь испугался бы тех поступков, на которые с легкостью идут блатари» [109].

«Преступный мир избирает в роли иерархообразующего базиса свои извращенные, «перевернутые» ценности и взгляды на окружающее. Заключение отвергнуто обществом, они находятся на самой низшей ступени социальной пирамиды. Но человек, как правило, не хочет признавать ни собственной вины, ни собственной маргинальности» [76]. «Мне говорят, что я подлец. Хорошо, я подлец. Я подлец, и мерзавец, и убийца. Но что из этого? Я не живу вашей жизнью, у меня своя жизнь, у нее другие законы, другая честность!» - так характеризует психологическую позицию вора В. Шаламов [109]. Поэтому в альтернативной обществу тюремной субкультуре царит антисоциальная мораль [82]. «По этой морали, не труд, а кража, грабеж, разбой – дело чести и доблести, всякое убийство- героический поступок, пьянка и дебош – высшая улада, кайф, предмет сладостных воспоминаний, похвальбы и зависти» [81]. «Члены категории воров считают себя «настоящими» людьми, признавая всех остальных лишь своеобразным «субстратом» для своих противоправных действий. Взаимоотношения с представителями «внешнего мира», администрации не подчиняются нормам морали. Жульничество, тунеядство, паразитизм, сексуальные отклонения, отвращение к труду декларируются как обязательные правила поведения, преступления и злодеяния становятся доблестью и заслугой... [76], «чувство гражданского долга подменяется понятием долга воровского, товарищество — круговой порукой, дружба — преданностью лидеру или преступной группе («воровской семье») и т.п.» [60].

В целом «субкультура мест лишения свободы отрицает официальные моральные принципы и нормы, негативно воздействует на личность осужденного, стимулирует девиантное поведение, предстает механизмом противодействия процессу исполнения наказания» [18].

Криминальная субкультура обладает своей системой жизненных ориентиров, взглядов на жизнь, т.е. тем, что можно назвать воровской философией [99]. Эта философия приветствует и оправдывает преступления, отрицает вину и ответственность за содеянное. При этом развитие тюремной (и криминальной в целом) субкультуры в начале 21 века во многом связано с тем, что реформы экономики России, предлагающие идею быстрого личного обогащения в ущерб интересам общества и государства, оказались созвучными философии преступного мира.

Тюремная субкультура обладает мощным зарядом энергии и личности требуются большие усилия для того, чтобы выйти из ее орбиты. Попадая в сферу тюремной субкультуры, человек настолько принимает ее установки и правила, что подчас уже не может изменить свой *modus vivendi*. Пребывание в исправительном учреждении, в окружении носителей тюремной субкультуры становится привычным, даже желанным, а выход на волю воспринимается как пребывание во враждебном мире, где требуется самостоятельно принимать решения, где существует ответственность за поступки, а жизнь требует постоянных расходов. В этом внешнем мире нет бесплатного места на «шконке», не кормят три раза в день, не водят бесплатно в баню, не выдают спецодежду и лекарства. Таким образом, жизнь в исправительном учреждении оказывается предпочтительнее жизни на воле. Описанное явление (бессознательное стремление человека вернуться в места лишения свободы и ощущение «тюрьмы», как «родного дома», в котором имеются понятные правила и нормы и пребывать в котором более комфортно, нежели жить на воле) получило название «тюремизация» или «призонизация» [20,24,115].

В целом субкультура осужденных имеет признаки закрытой, тайной секты. Ее характеризует скрытый характер, наличие носителей в виде неформальных малых групп отрицательной направленности, негативное отношение к установленным правилам и требованиям. Как и в тайных сектах в криминальной субкультуре имеется система ритуалов, атрибутов, табу, символов, условностей, непонятных для непосвященных [76].

Исходя из сказанного можно сделать вывод, что криминальной субкультуре присущи признаки социорегулятивной системы, функцией которой является институционализация – «установление правил, норм и регламентации поведения путем навязывания ритуально-традиционных норм внутри соответствующего социума» [79].

Вместе с тем, нужно отметить, что рядом авторов признается, что, несмотря на явное отрицательное социальное содержание, постоянное поддерживание противодействия режиму содержания, тюремная субкультура, тем не менее, оказывает некоторое позитивное воздействие на осужденных [44, 93]. Как считается, негласные правила «тюремного закона» обеспечивают более устойчивую адаптацию личности к новым условиям жизни через уменьшение страданий, обусловленных тюремной депривацией. Тюремная субкультура, исходя из этих позиций, «является своего рода спасением для осужденных» [44], так как нивелирует противоречия между «сферами повседневной деятельности» [64], частной и публичной жизнью осужденных [44]. «Она консолидирует заключенных, становится основным фактором, компенсирующим в той или иной степени тяжесть лишений, связанных с отбыванием наказания. У осужденных формируется убеждение в том, что только в «своей» среде, а не со стороны администрации они могут найти понимание и поддержку» [54]. А.И. Ушатиков и Б.Б. Казак представляют вовлечение в тюремную субкультуру как процесс выработки личностью оптимального режима жизнедеятельности в соответствии с новыми условиями жизни, что заключается в обретении человеком нового

социального статуса, согласно которому строятся его взаимоотношения с другими членами тюремного социума [101].

Исходя из этого отправного положения, некоторые ученые рассматривают тюремную субкультуру как «неизбежное зло», сопротивляться которому бессмысленно, ибо она является следствием усилий членов тюремного социума найти способы ослабления условий изоляции от общества путем создания новой социальной иерархии.

Существует мнение, что «этот процесс носит вынужденный, практически принудительный характер, поскольку фактически является единственным способом выживания в сложившихся новых условиях», что «помогает вновь прибывшим преступникам быстрее адаптироваться к новым социальным условиям, способствует сближению, сплочению всех заключенных и таким образом приводит к образованию стойкого коллектива, объединенного общими мыслями, мнениями, ценностями, то есть к формированию тюремной субкультуры» [44].

В специальной научной литературе фактически не подвергается критике мысль о том, что тюремная субкультура является на сегодня одним из основных факторов, компенсирующих тяжесть лишений, связанных с отбыванием наказания [95], так как в результате ее тотального воздействия на сознание осужденных у них формируется ложное убеждение в том, что только в «своей» среде они могут найти понимание помощь и поддержку [99].

Вместе с тем, вред, причиняемый «тюремным законом», несомненно, значительно весомее ее адаптивного эффекта [29, 36, 76, 118]. Декларируемые тюремной субкультурой ценностные ориентации, правила жизни и стандарты поведения противоречат нормам, принятым в человеческом обществе [9].

Мощное деструктивное действие тюремной субкультуры заключается в том, что она дезинтегрирует взаимодействие личности и общества, провоцирует и стимулирует правонарушения. «Тюремный закон» блокирует сотрудничество с администрацией исправительного учреждения, контакты с органами

самоуправления, нивелирует исправительное, ресоциализирующее действие пенитенциарной системы [73].

В результате утрачиваются функции уголовно-исполнительной системы по исправлению осужденных, к минимуму сводятся результаты психологической и воспитательной работы сотрудников, а исправительные учреждения превращаются в вотчины криминальных авторитетов и кузницы кадров организованной преступности.

ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Известно, что сообщество людей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, это «особая цивилизация со своими законами, порядками, литературой, фольклором, со своею моралью и языком» [37]. Представители тюремного социума являются носителями системы маргинальных жизненных установок, а сама тюремная субкультура базируется на синкретизме архаического и религиозного мировосприятия [96]. Поэтому некоторые исследователи оценивают тюремную субкультуру как аналог архаического общества [24,38,81,96]. При этом фундаментом «особого- мифологизированного- типа тюремной философии являются фольклорно-мифологические установки, характеризующиеся этнокультурными особенностями» [96]. Сходство укладов архаического общества и тюремного социума во многом обусловлено тем, что обе эти социальные модели относятся к закрытым и крайне примитивным общественным системам, характеризующимся коллективной социальной депривацией, ограничением внешних связей. Указанное порождает постепенную интеллектуальную деградацию и скатывание к примитивным отношениям внутри сообщества заключенных [32,76].

Особенностями взаимодействия между людьми в тюремном социуме исследователи считают: «отсутствие четких границ между частной и публичной жизнью, высокую степень персонификации отношений, наличие формальных и неформальных норм поведения и ценностных категорий, применение насилия как способа регулирования социальных отношений» [54].

Тюремный социум имеет черты стратификационного общества, одним их признаков которого является кастовое устройство [45,81,82]. Под кастой принято понимать социально обусловленный «слой» общества, страту, ограничивающую

внешние контакты ее членов. Как отмечает Н.В. Тищенко, «на схожесть между трехкастовостью тюремного сообщества («авторитеты и связанные с ними касты», «мужики – осужденные, не имеющие криминального прошлого», «отвергнутые») и трехуровневой системой первобытного общества («дифференцированная знать», «крестьяне», «рабы и изгои») обратил внимание в очерках о тюремной субкультуре Л. Клейн. Он указывает не только на смысловое и символическое сходство архаичного общества и тюремной субкультуры, но и на наличие внутренних структурных совпадений» [92].

Как отмечает Г.Ф. Хохряков, «четырёхчленное строение тюремного социума чрезвычайно живуче, оно отмечается даже тогда, когда осужденные, представляющие одну субкультурную группу, были собраны в одной колонии».

Следует отметить, что процесс тюремного кастообразования имеет давнюю историю. Так, «воры в законе» как отдельная социальная группа появились в преступном сообществе только в 20-30 годы XX века [43,73], а существующие тюремные страты окончательно сформировались лишь во второй половине XX века (в частности это касается такой тюремной «масти», как «петухи») [47]. Тюремное кастообразование – это динамичный процесс, при котором «в зависимости от времени, условий содержания и «общей обстановки» в местах лишения свободы возникали и исчезали различные «касты», «подкасты» и группировки» [73,49,50]. Деление на касты и подкасты весьма вариативно и зависит от многих факторов, таких, как условия содержания, расположение исправительного учреждения, царящие в исправительном учреждении «внутренних обычаев», режим и т.п.

Высшую ступень в тюремной социальной иерархии занимают т.н. «авторитетные» воры, следящие за соблюдением воровского закона, вырабатывающие стратегию развития криминального социума и являющиеся его коллективным управляющим центром. В эту страту входят представители высшего уровня неформального управления преступным сообществом - т.н. «воры в законе» («козырные воры», «центровые воры», «всесоюзные воры», [29],

а также члены криминального сообщества, образующие второй уровень управления [4,5,98] - «смотрящие», «положенцы», «авторитеты». Иерархическая структура управления преступным миром строится исходя из уровня сферы влияния «вора» (например: «вор в законе»: страна, регион, «авторитет»: регион, колония, «положенец»: город, колония, «смотрящий»: колония, отряд [54]. Появление страты «воров в законе» исследователи связывают с тем, что в годы репрессий в местах лишения свободы оказалась многие интеллектуалы, усилиями которых была, не в последнюю очередь, сгенерирована идеологизация преступной жизни: появление «кодекса вора», правил его жизни и т.п. [43,66,73].

Истинных «воров в законе» в России насчитывается чуть более двух сотен [43,48,71]. Но «намного больше тех, кто сам себя причисляет к этой категории» [43].

Второй эшелон преступного мира – это «рядовые» «воры» («блатные» «настоящие люди», ««жулики», «братва», бродяги», «арестанты»). «Это не только те, кто осужден за кражу, но и бандиты, грабители, убийцы, словом, любые уголовники крупного пошиба, пользующиеся в преступном мире славой лихих, опытные, агрессивные и умеющие постоять за себя» [81]. По существу «воры» - это профессиональные преступники, для которых пребывание в местах лишения свободы - обязательный этап в их карьере.

Как пишут Ю.А. Дмитриев и Б.Б. Казак «сообщество «воров» в ИУ – это «ядро антисоциального фронта» и имеет программу деятельности, содержащую систему принципов [29], из которых можно выделить следующие:

- насаждать в местах лишения свободы воровские нормы, традиции, обычаи и устанавливать определенную линию поведения в отношении различных категорий осужденных;

- поддерживать установленный порядок, применять суровые санкции к непослушным;

- противодействовать влиянию актива в среде осужденных;

-искусно противостоять деятельности прокуратуры, МВД по укреплению правопорядка в исправительных учреждениях;

-объявлять войну развратникам, которые позорят уголовный мир, причислять их к «обиженным»;

- создавать и поддерживать в изобилии «общие кассы» - материальную основу существования «воровского сообщества»;

- терроризировать в местах лишения свободы тех, кто отказался от требований «арестантской элиты», а также всех свидетелей и «стукачей»;

- организовывать в среде арестантов картежные игры» [29].

Группы осужденных с отрицательной направленностью поведения, характеризуются высоким уровнем организации и сплоченности, имеют сильного лидера, окружение которого составляют лидеры малых групп. Они направляют свои усилия на навязывание норм и правил поведения, обычаев и традиций тюремной субкультуры, на подкуп должностных лиц правоохранительных органов [18].

До определенного времени в тюремной субкультуре существовали ограничения для присвоения статуса «блатного». На это звание не мог претендовать человек, «если ранее он состоял в членах комсомольской организации, или, например, служил в армии или был «халдеем» (работал в сфере услуг) [73]. В настоящее время происходит медленная деградация «кодекса чести вора», коммерческая и политическая деятельность лидеров преступного сообщества является нормальным явлением, в криминальной среде процветает торговля титулами «воров в законе» и многие правила повседневной жизни «вора» и «табу» на определенные действия, обязательные для соблюдения в прежние времена, в настоящее время утрачены.

К страте «блатных» примыкает подкаста «приблатненных» – мелких преступников, исполнителей воровской воли. В зависимости от их специализации среди них различают «быков», «конегонов», «торпед» и т.д.

Тюремная каста «мужики» состоит из осужденных, ранее не имевших

никакого отношения к профессиональной преступности и рассчитывающих после освобождения вернуться к нормальной жизни. В исследовании проведенном в 2019 г. сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России было установлено, что 54,3% респондентов из числа лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, относят себя к группе «мужики».

«Ни на какую теневою власть в местах лишения свободы «мужики» не претендуют, в различные «разборки» не вмешиваются. Их кредо – жить тихо, побыстрее освободиться. Тем не менее, мужики обычно придерживаются «правильных понятий», т.е. не идут на сотрудничество (во всяком случае - открытое) с администрацией» [43]. «Мужики» отстранены от тайн преступного сообщества. Вмешиваться в дела «блатных» они не могут, права голоса на «разборках» не имеют» [73].

«Козлы» («красные», «повязочники», «активисты») - это помощники администрации исправительного учреждения. Это осужденные, которые до недавнего времени оценивались как «лица, твердо вставшие на путь исправления». Согласно тюремному этикету с козлами не запрещалось разговаривать, общаться, прикасаться к ним. В.В. Тулегенов приводит следующую классификацию «активистов»: идейный «активист», скрытый «активист», неустойчивый «активист», простой «активист». Автор также описывает следующую градацию, существующую в их среде [98]:

- 1) нарядчик, старший повар;
- 2) дневальный оперативного отдела, отдела безопасности, культорг, дневальный медицинской части, председатель секции дисциплины и порядка колонии, заведующий банно-прачечным комплексом, комендант жилой зоны;
- 3) старший дневальный отряда, бригадир;
- 4) повар, боец ведомственной пожарной службы, парикмахер, сапожник, «бесконвойник»;
- 5) дневальный отряда, ночные дневальные.

К страте «козлов» примыкает такая ее подкаста, как «шерсть» («лохмачи»). Это лица, использующие незаконные методы воздействия на других осужденных по заданию недобросовестных представителей администрации исправительного учреждения.

К низкостатусным категориям в пенитенциарной субкультуре относятся страты «петухов» и «чертей». В исследовании проведенном в 2019 г. сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России выяснено, что 16% осужденных относят себя к категории с низким социальным статусом [95]. «Петухи» («опущенные», «пидоры», «пинчи») используются в среде осужденных для насильственных гомосексуальных контактов. А черти («чушки», «чуханы», «чмошники») – это опустившиеся, не следящие за собой, забитые, грязные, деградировавшие личности, выполняющие за других грязную работу. «Это изгой, отверженные, парии, сословие рабов» [81].

В отношении петухов действует целая система изощренных табу и унижений: к ним нельзя прикасаться (за исключением гомосексуального контакта), брать из их рук какие-либо вещи, их нельзя бить руками (только ногами или каким-либо предметом). В случае, если физический контакт все-таки произошел – контактер перенимает «нечистоту» и также становится «петухом». У «петухов» отдельные места пребывания, выходить за пределы которых им нельзя, в медчасти для них выделяются специальные палаты, в ШИЗО и ПКТ – отдельные камеры, в местах общего пользования – столы и стулья, в столовой для них существует меченая дырками посуда [73]. «Петухи» должны уступать дорогу другим заключённым, не приближаясь к ним на определенную дистанцию. Как пишет Л.С. Клейн «во многих лагерях их вообще не пускают за стол – они должны есть в углу, по-собачьи, из отдельной посуды» [81]. Отбывание наказания для представителей этой страты является изощренной, длящейся годами медленной психологической пыткой, в ходе которой происходит не исправление осужденного, а превращение его в деградировавшее, потерявшее достоинство, интеллект и волю человеческое существо.

В зависимости от обстоятельств перехода в касту «петухов» можно выделить такие подкасты, как «опущенные» (получившие статус «петуха» вследствие насильственного гомосексуального контакта), «пинчи» (изнасилованные сверстниками в детской воспитательной колонии), «пидоры» (пассивные гомосексуалисты, бывшие таковыми до помещения в места лишения свободы), «обиженные» («законтаченные», «запомоенные», «заполосканные» - перешедшие в касту вследствие физического контакта с «петухом» во время отбывания наказания). Статус «петуха» является пожизненным [73].

Насильственный перевод в страту петухов (т.н. «опускание») осуществляется либо через гомосексуальный контакт либо через замещающие ритуальные действия: прикосновение половым членом или смоченным спермой полотенцем к лицу во время сна, обливание жертвы водой из унитаза и т.п.

В исследовании С.Б. Пономарева был проведен сравнительный анализ кастового строя средневековой Индии и стратификационной структуры тюремного социума [73,74,75]. При этом были выявлены параллели между характеристиками индийских каст и тюремных страт. Было показано сходство этих социальных моделей и сделан вывод о том, что причина наблюдаемой аналогии обусловлена тем, что и архаичный социум, и тюремное сообщество относятся к примитивным закрытым социальным системам, организованным по единому принципу. В обоих социумах имеются сходные функциональные компоненты. Это: управляющий компонент системы (каста брахманов – аналог в тюремной субкультуре: «воры в законе») – исполнительный компонент системы (каста кшатриев – аналог: тюремная страта «братва», «воры») – объект управления (касты шудра, вайшья – аналог: тюремная страта «мужики»). Помимо этого в обеих социальных системах существуют «отверженные» (неприкасаемые, незаконнорожденные в древнеиндийском обществе, аналог в тюремной субкультуре - «петухи», «черти»). В исследовании была показана высокая живучесть и способность этих социальных моделей к захвату новых культурных пространств. Для стратификационных обществ (имеется в виду

сообщество заключенных, в котором царят законы тюремной субкультуры и индийской кастовое общество) характерно в целом то, что личность не имеет в них права на иное, нежели определенное сводом неформальных правил, поведение. В заключении исследования делается вывод о том, что коррелятом «чистоты» варны в индийской кастовой системе является степень вовлеченности в преступную деятельность представителей различных страт в тюремной субкультуре, а само пребывание в местах лишения свободы не оставляет человеку выбора социального статуса вне рамок существующей в тюремной субкультуре иерархии.

В.В. Тулегенов связывает существование тюремных каст с субъективным отношением личности к условиям пребывания в местах лишения свободы. В целом он выделяет следующие модели поведения: «отрицание» («воры»), «приспособление» («актив»), «нейтралитет» («мужики») и «деперсонализация» («отверженные») [98].

Одной из причин устойчивого существования тюремных каст В.В. Тулегенов считает существование традиционной для России отрядной системы [98]. Н.А. Яковлев также связывает высокий уровень развитости российской тюремной субкультуры с тем, что «в отличие от большинства западных стран, где практикуется камерная система содержания осужденных, в России индивидуальные камеры есть только в тюрьмах и штрафных изоляторах» [114].

Пребывание в условиях мест лишения свободы связано с обязательным выполнением системы неформальных правил поведения и табу, свойственных тюремной субкультуре. Так, например, общеизвестны табу на красный цвет, на бананы, на оброненное мыло, на тюремные полотенца, на принятие пищи во время использования «параши». Для «воров в законе» до последнего времени существовал ряд обязательных условий поддержания их воровского статуса: «они не должны были иметь семьи, обязаны были жить без прописки, не работать, не служить в армии, не иметь никаких отношений к государственным структурам и к политике, не ставить подпись под документами и т.п. При этом

до последнего времени для «воров в законе» запрет на сотрудничество с властями был основополагающим» [73].

Как отмечают В.Я. Семке, С.И. Гусев и Г.Я. Снигирева, «воры в законе» довоенного времени (до 1947 г.) были ортодоксами, не допускали изменений «классических» норм воровской жизни» [85]. В последующем произошла медленная трансформация «воровского закона», которая закончилась в 90-е годы XX века фактами распродажи титулов «вора в законе», вовлечением верхушки преступного мира в бизнес и политику и отказом от выполнения набора требований к «авторитетному вору».

В тюремной субкультуре многочисленные табу касаются общения с представителями тюремной страты «петухов». Известно, что «перейти в эту касту можно легко и неосторожно, просто прикоснувшись к «петуху», взяв у него какую-то вещь, сев за «петушиный» стол в столовой или на «петушиный» стул в медчасти или парикмахерской и т. п.» [73].

Табуированным в тюремной субкультуре являются все предметы, так или иначе относящиеся к «петухам»: их посуда, спальные места, умывальники, стулья, столы в столовой, койки в санчасти и т.п. [2,6]. Автоматически становится «опущенным» человек, прошедший ночь в «петушиной» камере, даже если он там ни к чему не прикасался. Табуированными являются также слова, относящиеся к понятию «петух»: «гребень», «кукарекать», «кочет» и т.д.

Средством самоидентификации участника субкультурного процесса является тюремная татуировка. Она несет большую смысловую нагрузку [17,21], с ее помощью происходит определение ранга и статуса ее носителя. По татуировке можно судить не только о том, к какой тюремной касте относится ее обладатель, но и о том, по какой статье был судим носитель тату, каким преступным промыслом он занимается. По татуировке можно определить количество «ходов», склонности и навыки осужденного, его болезни, информацию о времени совершении преступления и т.д. [17,31].

Тело «авторитетного вора» отмечается татуировками с отличительными знаками, носящими агрессивный характер. Это могут быть изображения орудий убийства, свастика, человеческие черепа, хищные животные и т.п. Информативны также подключичные «воровские звезды», звезды на коленях, вытатуированные на плечах погоны, изображения церквей и т.п.

Каждый из символов имеет свое значение. Например, роза означает то, что ее владелец начал преступный путь в колонии для несовершеннолетних, «паук в паутине» говорит о том, что ее владелец – наркоман, изображение жука отмечает вора-карманника, кота («кот-крадун») – квартирного вора и т.п.

Определенным образом метят «чертей» и «петухов». Это могут быть: изображение свиньи, женщины в объятиях черта, порнографический рисунок, человеческие глаза на ягодицах и т.д.

Помимо рисунков большую смысловую нагрузку несут «перстни» и аббревиатуры, носящие тайный, непонятный непосвященным, смысл.

Для организации мероприятий по противодействию тюремной субкультуре в исправительном учреждении особенно важен тот факт, что ценности и правила тюремной субкультуры усваиваются в первую очередь людьми, которые с ней непосредственно ежедневно контактируют: как самими осужденными, так и персоналом исправительных учреждений [40].

«При взаимодействии с тюремным социумом сотрудник уголовно-исполнительной системы «практически теряет свое собственное «Я», свою личность. Поэтому он вынужденно принимает на себя тюремную субкультуру, усваивает ее ценности, нормы и правила. Так как надзиратель большую часть своего времени проводит именно в тюрьме, то тюремная субкультура становится для него привычной культурной средой. Выходя из тюрьмы и попадая в иное культурное пространство, он фактически продолжает жить в соответствии с ранее усвоенными социокультурными нормами, смешивая их с теми, что уже существуют в общепринятой культуре» [44].

В настоящее время «...нормы тюремной субкультуры проникли в профессиональные субкультуры, приводя к дегенерации профессиональных ценностей и искажению профессиональной деятельности» [93].

Как результат длительного и методичного действия тюремной субкультуры на сегодня все исправительные учреждения России условно разделяются на «черные» и «красные». В «черных» значительное влияние имеют отбывающие наказание члены преступного сообщества, которые принуждают администрацию исправительного учреждения идти на уступки, выполнять предъявляемые ими требования, вступают в тайные соглашения с коррумпированными сотрудниками. В «красных зонах» администрация поддерживает должный порядок и не идет на сделки и компромиссы с «ворами».

Но принятие некоторыми сотрудниками уголовно-исполнительной установок и положений тюремной субкультуры, привело к появлению т.н. «красных зон-хамелеонов», в которых дисциплина поддерживается путем переложения обязанностей по поддержанию порядка на т.н. «шерстяных» - осужденных, открыто сотрудничающих с администрацией и практикующих недозволенные методы воздействия на сокамерников. Именно в этих «зонах» периодически вспыхивают скандалы, связанные с деятельностью «пресс-хат», «опусканием» неудобных, практикованием издевательств и пыток и т.п.

Естественно, что сложившаяся ситуация является ненормальной и требует усиления борьбы с системой неформальных правил и норм, существующих в местах лишения свободы.

ГЛАВА 3. ИСТОРИЯ РАЗВИТИЯ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ

Как было сказано выше, российская тюремная субкультура – это уникальное явление, не имеющее аналогов в других странах. Она не является чем-то застывшим и стационарным. Это динамично развивающаяся сложная система, в эволюции которой можно выделить определенные этапы. Естественно, что изменения, происходящие в тюремной субкультуре шли синхронно с процессами, наблюдающимися в российской пенитенциарной системе. При этом исследователи выделяют различные фазы их совместного развития. Так, например, А.В. Пищелко и Д.В. Сочивко считают, что в эволюции пенитенциарной системы существуют три больших периода [70]. Первый период (1917-1928), по мнению авторов, – это ломка дореволюционной тюремной системы, попытки разработать научные основы исправления преступников. Вторым период, который авторы называют «гулаговским», характеризуется тем, что уголовно-исполнительная система использовалась в первую очередь для решения экономических задач. Третий этап развития российской пенитенциарной системы, по мнению авторов начинается в 1959 году и характеризуется возрождением идеи перевоспитания осужденных. В это время, как пишут авторы, «была восстановлена политико-воспитательная работа, создана отрядная система с целью объединения осужденных в положительно направленные общности, расширена сфера общеобразовательного и профессионально-технического обучения, стали действовать самостоятельные организации осужденных» [70].

Ю.А. Дмитриев и Б.Б. Казак выделяют 6 периодов развития пенитенциарной системы [29]:

- 1) дореволюционный;
- 2) первые годы советской власти (1917-1929);
- 3) период гулаговских лагерей (1930-1953);
- 4) постсталинский период(1953-1960);

- 5) хрущевский период (1960 - 1970);
- 6) постсоветский период (80-е годы XX века - нулевые годы XXI века).

В.В. Тулегенов выделяет две фазы генезиса тюремной субкультуры. Первая фаза – это «конфликтная» тюремная субкультура, вторая фаза – «стабильная» тюремная субкультура [98]. Первая фаза характеризуется утверждением тюремной субкультуры в ходе конфликта субкультур, во второй фазе – «микросреда осужденных принимает ценности доминирующей социальной группы» [98].

О.В. Старков выделяет следующие 7 периодов развития криминальной (и тюремной) субкультур [88]:

- 1) Дореволюционный;
- 2) Послереволюционный (годы гражданской войны);
- 3) Период 20-30-х годов;
- 4) Военный и послевоенный период, «сучья война»;
- 5) Период 50-60 годов (борьба с «ворами в законе»;
- 6) Предперестроечный период;
- 7) Современный период.

Современный период, согласно О.В. Старкову, начинается в 1993 г., после «массового расстрела президентом Ельциным законной власти – верховного Совета и установления криминальной власти, когда уголовные авторитеты и (или) их представители стали губернаторами, мэрами, депутатами Госдумы, членами Совета Федераций или их советниками и консультантами, что вызвало легализацию и появление в политике и в экономике так называемых «новых воров в законе» [98].

По нашему мнению, исходя из анализа развития тюремной субкультуры с точки зрения ее взаимодействия с традиционной культурой российского общества, можно выделить 3 больших периода [73].

В начале своего развития тюремная субкультура развивалась исключительно в среде профессиональных преступников. Положения

тюремного закона распространялись преимущественно на группу профессиональных преступников, которые считали себя «людьми», а всех остальных «нелюдями». Это нашло отражение в немногочисленных дореволюционных источниках, воспоминаниях тюремных «летописцев» начала и середины двадцатого века (Ф.М. Достоевский, В.Т. Шаламов, А.И. Солженицын, Е.С. Гинзбург и др.), исследованиях ученых-пенитенциаристов. Исторические материалы свидетельствуют о том, что в начальном периоде развития тюремной субкультуры четко прослеживается наличие определенной границы между сообществом «жиганов» и остальной массой арестантов [73].

Второй этап развития тюремной субкультуры – это вовлечение в тюремную субкультуру практически всех отбывающих наказание в виде лишения свободы граждан [36,47,63,73,107]. «Хронологически этот период относится ко второй половине XX века. Так, на сегодня, попадая в уголовно-исполнительную систему, осужденный к лишению свободы гражданин сразу «окунается» в новую для него культурную среду. Он проходит ритуал «прописки», ему присваивается кличка и определяется место в иерархии тюремных каст. Далее этот человек может существовать в условиях тюремной изоляции только в соответствии с негласным «тюремным законом» [73]. При этом такие признаки российской тюремной субкультуры, как кастовое деление осужденных, появление страты «петухов», набор табу, ритуалы «прописки», «опускания», «коронования вора», «зашкваривания» и т.п. становятся в этот период неизменными условиями существования личности в условиях пенитенциарной системы [47]. Этот этап связан с особенностями репрессивной политики Советского Союза по отношению к лицам, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Именно «благодаря организованности, сплоченности и агрессивности воров в лагере родившаяся там воровская субкультура становится субкультурой лагеря в целом. Эта субкультура обладает чрезвычайно высокими потенциями аккультурации» [81].

А третья фаза развития тюремной субкультуры (конец XX века - начало XXI века) характеризуется тем, что «ее понятия, правила и устои вышли за пределы исправительных учреждений и активно осваивают новые пространства, внедряются в традиционную культуру нашего общества, вытесняя и заменяя ее» [73,107].

Это проявляется в криминализации российского общества, изменении нравов, мышления и лексики рядовых граждан России. Нормы тюремной субкультуры, не подвергаясь критическому анализу, становятся частью повседневной жизни. В системе ценностей российского общества преобладает аномия (социопатология, при которой значительная часть социума, зная о существовании общечеловеческих норм поведения, относится к ним негативно или равнодушно) [73].

Указанный период начинается с 90-х годов XX века и продолжается по настоящий день. Он связан в первую очередь с политикой бездумных экономических и социальных реформ, в ходе которых произошло слияние организованной преступности с коррумпированными властными структурами. «Создание класса собственников из числа воров и бандитов, теневых дельцов и казнокрадов, расхитителей и мошенников закономерно привело к росту преступности: общеуголовной, экономической, организованной» [43]. Приватизация государственной собственности, а по существу – разграбление общенародного богатства происходила в 90-е годы XX века по бандитским понятиям. Указанное не могло не сказаться на всех сторонах жизни россиян.

На этом, третьем этапе развития тюремной субкультуры наблюдается реинтерпретация мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры во внешнем социокультурном пространстве, «что представляет собой сегментарное воспроизводство во внешнем мире мифологических конструкторов «зоны» с одновременной их ремифологизацией в процессе адаптации к новым социокультурным условиям» [69]. Поэтому в повседневном поведении россиян

начали доминировать элементы, характерные для социально-психологического типа заключённого.

Как считает Н.В. Тищенко «можно констатировать, что в современной российской культуре ценности и нормы поведения тюремной субкультуры преодолели барьеры пенитенциарных учреждений и стали неотъемлемой частью легитимных социальных и культурных практик» [93].

Именно в 90-е годы XX века статус «петуха» стал пожизненным вне тюрьмы. Воровская субкультура стала активно осваиваться предпринимательским сообществом и политикой. Среди «воров в законе» появились т.н. «апельсины» - люди, купившие это звание. Сами исправительные учреждения разделились на «черные» и «красные». При этом в «черных» отчисления из воровского «общака» представителям администрации значительно превышали их официальные зарплаты. Будучи бессильными бороться с тюремной субкультурой, сотрудники пенитенциарной системы нередко стали напрямую способствовать распространению «тюремного закона»: именно в «лихие девяностые» массовыми стали факты переложения на «смотрящих» функций надзора за порядком в исправительных учреждениях. Как пишет М.П. Клейменов, «криминальная власть укрепляется, когда создается обстановка, благоприятствующая развитию криминальной деятельности. В этих условиях преступная деятельность становится бизнесом, а ее целью – обретение богатства» [42].

«В условиях, когда традиционные ценности и нормы перестают разделяться большинством населения, наблюдается экспансия ценностей и норм преступного мира» [54] и «жить «по понятиям» начинают не только криминальные профессионалы, но и самые различные слои нашего общества» [91]. Именно в это время «были созданы оптимальные условия для развития организованной преступности и возникновения широкомасштабного бандитизма» [43]. «Произошло слияние организованной «криминальной» преступности с преступностью экономической и образование особого

социального и уголовно-правового явления, т.н. интрузивно-деструктивно-мимикрической преступности» [61].

«В условиях рассогласования моральной и правовой регуляции, дисфункциональности основных социальных институтов в современном российском обществе отмечается рост криминализации, стирается сама возможность социально позитивного и негативного поведения [98].

Поэтому, рассматривая взаимодействие криминальной субкультуры и общей культуры социума Р.А. Ханипов приходит к выводу, что доминирующей культурой нашей страны является криминальная субкультура. Поэтому он предлагает использовать термин «криминальная культура» вместо термина «криминальная субкультура» [107]. Это спорное, на наш взгляд, утверждение разделяют некоторые другие исследователи [36,97], также использующие в своих публикациях термин «криминальная культура». Поэтому, по их мнению, на сегодня серьезно встает вопрос о существовании самостоятельного криминального «субэтнуса» [73]. Это связано с тем, что в настоящее время описанный процесс криминализации российского общества продолжается, преступная субкультура претендует на лидирующее положение в российском обществе, утверждая чуждые традиционной культуре социума ценности и нормы [36]. Она стремится к захвату новых социокультурных ареалов за границами пенитенциарной системы [36,54,62].

Как пишет Н.В. Тищенко, «в условиях современной отечественной культуры проникновение ценностей тюремной субкультуры в основные сферы культуры – идеологию, моральные установки, художественное творчество – принимает все более отчетливый характер» [93].

В дополнение к сказанному хочется отметить, что на сегодня видны признаки наступления следующей (четвертой) фазы развития тюремной субкультуры. Проводимые государством меры (гуманизация условий содержания осужденных, расширение применения альтернативных мер наказания, последовательное сокращение численность лиц, отбывающих

наказание в виде лишения свободы и т.д.) а также – массовый отток представителей организованной преступности в политику и легальный бизнес привели к тому, что «традиционная» тюремная субкультура начинает деградировать в местах лишения свободы. Существовавшие в прежние годы жесткие неформальные нормы «тюремного закона» на сегодня подвержены трансформации и размыванию. Как пишет В.В. Тулегенов «Главную роль сыграли в этом следующие факторы. Во-первых, смягчение условий отбывания наказания, обусловленное реформированием общества, что повлекло повсеместное употребление спиртных напитков осужденными. Во-вторых, качественные изменения в социальном составе спецконтингента исправительных учреждений. Наблюдается увеличение количества лиц, имеющих психические отклонения, страдающих алкоголизмом или наркоманией... В-третьих, отсутствие работы и достойной заработной платы у большинства осужденных обуславливает отсутствие у них предметов первой необходимости и стимулирует переход к индивидуалистической модели поведения» [98].

Хочется надеяться, что наблюдающаяся тенденция к деградации тюремной субкультуры продолжится и в будущем.

ГЛАВА 5. ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА И ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО

Учитывая то, что мы живем в условиях информационного общества, особую роль в настоящее время приобретают проблемы обеспечения информационной защиты от распространения криминальной субкультуры и закрепления криминальных паттернов в общественном сознании.

Информация, являясь мощным действующим социальным фактором, в случае наполнения ее отрицательным содержанием, оказывает на общественное сознание значительное психотравмирующее действие, побуждая личность к жестокому, агрессивному, антиобщественному поведению, способствует виктимизации, приобщению к криминальным ценностям, вовлечению человека в противоправную деятельность.

Как свидетельствуют результаты исследований, проведенных сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России [95] «знакомство с атрибутами пенитенциарной субкультуры происходит еще до момента осуждения, через СМИ, интернет, телевидение, печатные издания. Из общей выборки около 32,4% осужденных отметили, что источнике знаний стали именно СМИ» [95].

К сожалению положение на сегодняшний день таково, что «заинтересованные в мифологизации тюрьмы лица целенаправленно финансируют политтехнологов, журналистов, представителей искусства, которые, не всегда осознавая последствия своих действий, способствуют экспансии тюремной субкультуры» [108].

Более полувека назад В. Шаламов писал: «Художественная литература вместо того, чтобы заклеить уголовщину, сделала обратное: подготовила почву для расцвета ядовитых ростков в неопытной, неискушенной душе молодежи» [109]. К сожалению, ситуация за истекшее после написания этих строк время значительно ухудшилась. Преступная субкультура продолжает активное наступление на традиционную культуру, становится реальностью

повседневной жизни. «В условиях современной отечественной культуры проникновение ценностей тюремной субкультуры в основные сферы культуры – идеологию, моральные установки, художественное творчество – принимает все более отчетливый характер» [93].

В пропаганде антисоциального поведения участвует ныне не только литература, но все другие участники информационного пространства: радио, телевидение, кинематограф и Интернет [30,36,41,57,76,107]. Сегодня «ценности, модели поведения, способы субъективизации, языковые нормы тюремной субкультуры воспринимаются как должное как неотъемлемая часть общественной жизни и индивидуальных стратегий» [94].

Так, например, вместо того, чтобы ставить всяческие преграды и препоны для распространения и пропаганды криминального песенного жанра (называемого в России шансоном, несмотря на то, что к классическому шансону «блатная» песня имеет весьма отдаленное отношение), государственные и частные средства массовой информации прилагают значительные усилия для ... популяризации тюремной романтики. Так, вручение премии «Шансон года» проводится в Государственном Кремлевском дворце [76], идеологи «песни подворотни» получают государственные награды «За вклад и развитие российской культуры» [62]. Как указывает в своем исследовании Ю.Ю. Черкасова, «искусственная» мифологизация мест лишения свободы в России осуществляется при активной поддержке преступного сообщества, вербующего таким образом новых сторонников, деятелей «теневой» экономики, тесно связанных с криминалом, и отдельных политиков, преследующих цель легитимации насилия, как метода политической деятельности». [108]. Следствием этого является то, что «из русского шансона вывод сделать можно один-единственный, раз и навсегда: о патологической склонности русских к маргинальному и преступному образу жизни...» [22]. Культивируемый отечественными и зарубежными средствами массовой информации образ русского бандита – тупого, беспринципного, жестокого, прочно вошел в

сознание россиян и жителей зарубежья, ибо «образы и ценности тюремной субкультуры становятся частью современных литературных текстов и кинотекстов, в которых они не осуждаются» [94]. Следствие этого является то, что «нормы и правила тюремной субкультуры присутствуют на сегодняшний день в большинстве сфер деятельности людей, например в искусстве, языке повседневного общения, способах взаимодействия между людьми, жизненных ценностях» [94]. Как считает М.П. Клейменов «Российское общество сегодня «заражено» криминальной субкультурой» [43].

Проникновение норм и морали тюремной субкультуры в широкие слои российского общества сказывается в первую очередь на русском языке. Как отмечают ученые-лингвисты, разговорный русский стремительно меняется под влиянием «тюремного» жаргона. Так, А.Н. Олейник утверждает, что в современном русском языке встречаются до трети «заимствованных» выражений из «тюремного аргота» [62].

Академик Д.С. Лихачев писал: «Слова воровской речи характерны своей необычайной экспансией, способностью распространяться далеко за пределы воровской среды. С этими воровскими словечками и словцами распространяется яд воровской идеологии, воровского мировосприятия» [52].

Употребление жаргонных «воровских» слов свидетельствует не только о причастности говорящего к преступному миру, но и о деградации его умственного развития, низком культурном уровне. Д.С. Лихачев писал: «Воровская речь – это болезнь языка. Диагноз её – “инфантилизм” языковых форм» [52].

Проанализировав связь структуры и организации тюремного языка с морально-нравственными установками, царящими в тюремной среде, С. А. Снегов пишет «Блатной язык не признает восхвалений человека, он обслуживает лишь его унижения... И моральный императив, вытекающий из такой гносеологии, по-своему логичен: с каждым поступай подло, делать другому подлость — хорошо, и предел твоего подлого отношения к подлецам определен

лишь неизбежностью кары... По философской сути своей блатной жаргон — антиморален» [86]. Это утверждение созвучно словам Д.С. Лихачева: «В воровской речи мы имеем дело с патологией языка... с языковым примитивом... явление воровской речи... явление, разрушающее язык» [52].

Как пишет А. Сидоров «с середины 30-х по начало 80-х годов в Советском Союзе сложился жаргон уголовно-арестантского мира, равного которому не существует ни в одной другой стране» [84]. На сегодня воровской язык насчитывает, по различным данным от 10 тысяч [85] до 15 тысяч слов [16,54].

Известно, что организованная преступность нуждается в привлечении новых «кадров» – пушечного мяса криминального мира. Поэтому особое внимание лидеры преступного сообщества обращают на молодое поколение.

В. Шаламов писал: «Страшный мишурный плащ уголовной романтики ярким маскарадным блеском привлекает юношу, мальчика, чтобы отравить его своим ядом навсегда. Это фальшивый блеск стекляруса, выдающего себя за алмаз...»

В настоящее время идет настоящая борьба за души детей, и в ней участвуют все средства массовой информации: пресса, кинематограф, радио, телевидение и Интернет, через которые тюремная субкультура тянет свои ядовитые щупальца к юным гражданам нашей страны. Точкой своего удара преступное сообщество избрало пользователей сети Интернет - детей от 10 до 18 лет [113].

Привлекательность криминальной субкультуры для молодого поколения во многом связана с тем, что в преступной среде существуют внешне броские атрибуты и символика, а также - извращенные эстетические вкусы, которые легко осваиваются подростками. Их привлекает в тюремной субкультуре таинственность деятельности, необычность норм и ритуалов. Важное место тут занимает уголовная мифология, рисующая перед неокрепшей психикой молодого человека образы «благородного вора» «крутого парня», культивирующая идею «воровского братства», «воровскую честность» и т.п.

Причинами все распространяющегося влияния криминальной субкультуры в молодежной среде являются психологические особенности, свойственные подростковому возрасту. Это потребность в переживании риска, в острых ощущениях и приключениях, а также – в самоутверждении и завоевании авторитета среди сверстников.

Считается, что подростковому возрасту свойственны такие специфические формы поведения, как эмансипация (отказ от общепринятых норм, идеалов, стремление к нарушению порядка, принятых правил поведения и т.п.) и группирования (тяга к общению со сверстниками, формированию групп, связанных едиными интересами). Кроме того, подростковому возрасту присущи эмоциональная неустойчивость, экстраверсия, любознательность, отсутствие меры в определении границ допустимого, пренебрежение опасностью. Все указанное формирует благодатную почву для внедрения в молодежную среду тюремной субкультуры.

Указанное иллюстрируют результаты исследования, проведенного сотрудниками ФКУ НИИ ФСИН России в 2019 г. Судя по ним, 24,3% опрошенных осужденных отметили, что узнали о криминальной субкультуре в период обучения в образовательных учреждениях [95].

В целом в настоящее время наблюдается:

- снижение возрастных границ антиобщественных проявлений молодежи;
- возрастание роли норм и традиций криминальной субкультуры в подростковых группах;
- распространение криминального опыта в юношеской среде;
- отчуждение молодого поколения от официальной культуры и возрастающая привлекательность для нее ценностей криминальной субкультуры.

Совершенно очевидно, что существующая и развивающаяся в молодежной среде криминальная субкультура основывается на дефектах нравственного сознания, отвергающего общечеловеческие принципы морали [28].

Криминальной субкультуре несовершеннолетних присущи следующие отличительные черты:

- агрессивное, жестокое, нечестное и циничное отношении ко всем, кто не входит в криминальную молодежную группировку, к слабым и беззащитным;
- отсутствие чувства сострадания;
- паразитическое отношение к жизни, обесценивание результатов человеческого труда;
- поощрение любых форм асоциального поведения, неуважение к законам общества;
- половая распущенность, циничное отношение к вопросам взаимоотношения полов, поощрение низменных инстинктов.

Криминальная субкультура привлекательна для подросткового возраста тем, что она:

- позволяет найти возможность для самоутверждения и компенсации неудач;
- связана с азартом, риском, эмоциональными ощущениями, окрашена налетом таинственности, тюремной романтики;
- связана с ложно понимаемой свободой, снятием моральных запретов и ограничений,
- дает возможность выделиться среди сверстников, почувствовать себя выше окружающих, занять лидирующие позиции в молодежном микросоциуме.

Процесс вовлечения молодежи в криминальную субкультуру достиг пика своего развития в 90-е годы XX века, в результате чего мы получили потерянное поколение людей, изуродовавших свою юность, сломавших свои судьбы и отдавших жизни в кровавых криминальных разборках.

Пути проникновения преступной субкультуры в молодежную среду различны. Так, например, в девяностые годы некое криминальное сообщество «Общак» организовало систему подготовки «смотрящих за школами» г. Комсомольска-на-Амуре «в лагерях по типу пионерских, где подростки, как правило, из трудных семей, проходили спортивную подготовку и обучались азам воровского дела» [43]. Направление «работы с молодежью» со стороны преступного сообщества вылилось в итоге в появление и развитие такого массового криминального явления, как «АУЕ» («Арестантско-уркаганское единство», «Арестантский уклад един») «системой денежных поборов и «пионерских поручений» в пользу томящихся в застенках «отважных воров» и «бескомпромиссных борцов с режимом» [73].

Молодёжная деструктивная субкультура АУЕ основана на «традиционной» криминальной субкультуре. Она имеет своей целью воспроизводство в молодежной среде преступного образа жизни, активно навязывает в школах, техникумах, домах-интернатах порядки, принятые среди отбывающих наказание в виде лишения свободы представителей криминального мира.

Впервые об АУЕ стало широко известно в 2010 году, после того, как во время беспорядков в Белореченской воспитательной колонии Краснодарского края, среди малолетних преступников впервые прозвучал клич «АУЕ». С тех пор выкрики «АУЕ!» являются опознавательным паролем членов молодежных банд, играя для них ту же роль, что «Аллах акбар!» исламских террористов, «Слава Украине!» бандеровцев или «Хайль Гитлер!» немецких фашистов.

Кодировка «УАЕ» а также – аббревиатуры и символы, имеющие тюремное происхождение, становятся на сегодня привычными в школах (надписи и рисунки на стенах, партах, в тетрадях и т.п.). В речи юных приверженцев этой субкультуры принято не только использование тюремного арго, но и говорить «АУЕ» вместо «да» и «здравствуй».

Основные цели, которые преследует АУЕ:

- организация среди учащейся молодежи системы поборов в воровской «общак» (нелегальный фонд взаимопомощи представителей криминального сообщества, находящихся в местах лишения свободы);
- получение выгоды за счет продажи товаров, нелегально произведенных в местах лишения свободы;
- вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений;
- вовлечение детей и подростков в организацию общественных акций в целях достижения интересов криминальных элементов.
- распространение тюремной романтики, тюремной лексики, антисоциального поведения, дальнейшее воспроизводство тюремной субкультуры.

Распространение субкультуры АУЕ активно идет через Интернет. Анализ электронных ресурсов показывает, что данная субкультура имеет громадное число юных подписчиков в социальных сетях, на канале Youtube, в сообществах «ВКонтакте».

Так, например, в видеохостинге Youtube косвенно затрагивают тематику АУЕ порталы «Мопс дядя Пес», «Мопс и Компания», «Mops Ralkalich». Напрямую же заняты пропагандой тюремной субкультуры и АУЕ каналы «Арестантский уклад един», «АУЕ за забором», «Воры в законе. Тюрьма и понятия». В социальной сети «ВКонтакте» существует несколько десятков сообществ, распространяющих ценности субкультуры АУЕ.

Активно пропагандируют ценности АУЕ также различные рэп-исполнители (например – группа Каспийский груз), а также – исполнители «классического» тюремного шансона.

Опорной базой и отправной точкой распространения подростковой криминальной субкультуры на сегодня являются детские дома и интернаты [23, 113]. Как сообщают исследователи субкультуры АУЕ, здесь процветает система тюремных каст, есть «опущенные», в отношении которых применяются все меры, предписываемые правилами пенитенциарной субкультуры: у

«отверженных» отдельные спальные места, меченая посуда, обязанности по выполнению грязной работы, заниматься которой полноправные члены АУЕ не должны [23].

Принципиальное отличие субкультуры АУЕ от других молодежных субкультур заключается в том, что выйти из нее практически невозможно. АУЕ имеет признаки не только субкультуры, но и изуверской секты. Ее участники дают клятву верности воровским законам и обет молчания. На них распространяется табу на общение с представителями других молодежных субкультур, все не-члены АУЕ рассматриваются как люди второго сорта, подлежащие ущемлению и наказанию. Базовый принцип АУЕ – неподчинение власти, отвержение чувства патриотизма.

Ликвидация пионерского и комсомольского движений, бесплатной системы организации спортивной и культурной занятости молодежи, недостатки в патриотическом воспитании, формально-бездушное отношение к проблемам подрастающего поколения дорого обходятся нашей стране.

ГЛАВА 6. ТЮРЕМНАЯ СУБКУЛЬТУРА С ПОЗИЦИИ ЭТОЛОГИИ ЧЕЛОВЕКА И ТЕОРИИ СИСТЕМ

Тюремная субкультура и взаимоотношения внутри тюремного социума могут быть рассмотрены с позиции этологии - науки, занимающейся анализом приспособительного значения поведения животных в онтогенезе и филогенезе [121]. Важным направлением общей этологии является этология человека, изучающая общие для всех людей закономерности в поведенческих реакциях и особенностях социального поведения.

При этологическом анализе поведения вовлеченных в тюремную субкультуру осужденных, пребывающих в местах лишения свободы, у исследователей неоднократно возникала мысль о том, что существующая в тюремном социуме система взаимоотношений между его членами во многом является своеобразным слепком этологической организации сообществ социальных (общественных) животных, к которым относятся многие виды насекомых, рыб, птиц и млекопитающих [76].

Известно, что особи общественных видов живут сообществами (стаями, стадами, семьями, прайдами, табунами), в которых существует природная иерархия [74,75]. К признакам, характеризующим такие сообщества относятся:

- 1) устойчивость группировок во времени;
- 2) взаимная координация действий особей в группе;
- 3) прочные связи между особями;
- 4) поддержание целостности группы.

Так как с точки зрения этологии человек принадлежит к социальным животным, то существование человека в социуме изначально инстинктивно и популяционно обусловлено [79]. «Существовать не имея совсем никаких ценностных ориентиров, человек просто не может. Конструирование тех или

иных социальных норм – это неотъемлемый элемент функционирования любой социальной группы» [44], в том числе и тюремного сообщества.

Существование человека в условиях мест лишения свободы характеризуется принудительным равенством. Личность при этом лишается ранее существовавшего социального статуса. «Уголовно-исполнительная система ни для кого не делает исключений, предусматривает одинаковое обращение со всеми, стирает грани между представителями различных социальных групп» [76]. Поэтому «конфликт между генетически детерминированной общественной сущностью человека, жизненной потребностью находится в организованном социуме – с одной стороны, и социальной депривацией, принудительным тюремным равенством» - с другой стороны ведет к вовлечению его в тюремную субкультуру, в которой некоторые ученые-пенитенциаристы видят реализацию психологической потребности осужденного к идентификации себя в новом социуме [76].

Согласно этологическим воззрениям, поведение животных и человека (как части животного мира Земли) определяется взаимодействием следующих факторов:

- 1) общественного инстинкта, побуждающего представителей вида общаться с сородичами;
- 2) внутривидовой агрессивности, которая позволяет установить и поддерживать определенный порядок в сообществе;
- 3) уровнем развития рассудочной деятельности [34]

Поэтому система взаимоотношений между членами тюремного социума является одним из видов этологической организации сообществ общественных животных. Отмеченные черты сходства поведения в человеческих коллективах и сообществах животных объективны и говорят о том, что человек, как представитель животного царства, обладает генетически

запрограммированными стереотипами панмамального (т.е. присущим всем млекопитающим) поведения.

Поэтому в организации жизнедеятельности тюремного сообщества «общепринятым является наличие неравного объема прав и обязанностей у различных категорий заключенных». При этом именно такой порядок «является главным принципом устойчивости тюремного социума» [44]. А.Н. Олейник также отмечает, что социальные отношения в местах лишения свободы носят жесткий, напряженный характер [63]. Малейшее отклонение от навязанной человеку социальной роли и правил формальной институционализации в рамках тюремной субкультуры, ведет в коллективе осужденных к тому или иному виду наказания.

При этом установление иерархии отношений в тюремной субкультуре, осуществляется за счет насилия, которое А.Н. Олейник выделяет в качестве одного из четырех ведущих критериев, определяющих внутреннее строение тюремной субкультуры [64]. Катализатором агрессии в местах лишения свободы является чувство страха. «Именно страх перед будущим, страх неизвестности, страх за свою жизнь являются превалирующими чувствами, которые испытывает человек, оказавшийся в условиях тюремной изоляции» [73].

Общеизвестно, что тюремная субкультура, предусматривает иерархию доминирования в виде существования тюремных каст [2]. Следствием этого является лучшая приспособляемость социума к негативным внешним воздействиям. Последнее достигается за счет возникновения т.н. иерархии группировок, высшей степенью развития которой является собственно кастовая система. Организация взаимоотношений осужденных по кастовому признаку способствует «выживанию, сплочению представителей преступной среды, повышению их активности, мобильности» [36].

При этом наблюдается феномен изоморфизма, т.е. структурного сходства различных социальных систем в не связанных между собой сообществах [73]. В целом, придерживающиеся правил тюремной субкультуры объединения

осужденных обладают всеми признаками социальной системы управленческого типа: иерархичностью, распределением ролей и функций, наличием «кодекса поведения», самообеспеченностью, целеполаганием, профессионализмом и стремлением к самосохранению [48].

В результате рассмотрения тюремной субкультуры с позиции этологической науки, можно сделать вывод о наличии регулярности, устойчивости и повторяемости связей, существующих в значительно отличающихся друг от друга биосоциальных системах и универсальности принципов их функционирования [73].

Как пишет Е.Г. Клейменова «немаловажным является наличие разделения социальной общности на определенные уровни в соответствии с значимостью входящих в ее состав элементов, присутствующих как в тюремном сообществе, так и в социуме» [44].

Этологический анализ показывает, что строение сообщества носителей тюремной субкультуры по типу разноуровневой иерархической пирамиды позволяет злостным нарушителям режима противодействовать администрации исправительного учреждения и продолжать преступную деятельность [73].

Одним из подходов, который применим к анализу тюремной субкультуры является системный анализ, который позволяет рассматривать ее как сложно организованную иерархическую систему, которая обладает устойчивостью и склонна к самовоспроизведению [44,73].

Известно, что теория систем «представляет собой научную дисциплину, которая изучает различные явления, отвлекаясь от их конкретной природы, и основывается лишь на формальных взаимосвязях между различными составляющими их факторами и на характере их изменений под влиянием внешних условий» [58]. При этом под системой понимается некое структурно-функциональное единство, совокупность отдельных элементов, находящихся в отношениях и связях друг с другом.

Если рассматривать тюремную субкультуру с позиции теории систем, то можно выявить сходство неформальной организации коллективов осужденных с другими биологическими и социальными системами. Подмечено, что законы управления этими системами «универсальны и подчиняются единым правилам» [73]. При этом любая социальная система обладает целым набором схожих свойств, главными из которых являются способность системы сопротивляться внешним воздействиям и способность ее к самоорганизации.

Освещением особенностей процесса самоорганизации в сложных системах занимается синергетика – наука, изучающая связи между элементами структуры, которые образуются в открытых системах вследствие интенсивного обмена веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях. Она рассматривает структуры системы как состояния, возникающие в результате многовариантного поведения, ведущего к увеличению степени упорядоченности системы [106].

Существование таких систем было доказано И. Р. Пригожиным. Это т.н. диссипативные структуры, которые при определенных условиях могут совершать качественный скачок к усложнению вследствие внешних воздействий, называемых флуктуациями [77]. Другими словами многофакторные и многоэлементные подструктуры такой системы могут самостоятельно повышать уровень ее сложности вследствие воздействия различных внешних и внутренних факторов. С этой позиции можно рассматривать тюремную субкультуру. А. И. Мокрецов и В. В. Новиков пишут: «...чем интенсивнее выражены условия изоляции... тем ригористичнее и жестче их влияние на личность осужденного. Чем глубже усвоены осужденными нормы и шаблоны поведения, тем фанатичнее будет следование им, а также выше вероятность образования в сообществе солидарной оппозиции по отношению к официальным требованиям, программам исправления и администрации» [59].

И наоборот, если наблюдается послабление условий содержания – система жесткой тюремной иерархии начинает разрушаться. Так, В.В. Тулегенов пишет

о современном периоде развития тюремной субкультуры: «кризисное состояние уголовно-исполнительной системы повлекло за собой не усиление неформального регулирования отношений осужденных, а повсеместное размывание неформальных норм» [98].

Таким образом, в случае с тюремной субкультурой мы, по существу, имеем дело с так называемой самоорганизующейся системой, обладающей эмерджентностью, то есть свойством появления у совокупности элементов новых свойств, позволяющих сохранить существование как этих элементов, так и системы в целом.

Самоорганизующиеся системы обладают рядом свойств, которые позволяют им успешно функционировать и сопротивляться флуктуациям. Это, в частности, такие признаки, как «нестационарность (изменчивость) системы, стохастичность, непредсказуемость ее поведения, адаптивность к условиям среды, сопротивление энтропии (разрушению системы), способность системы к выработке вариантов поведения, к целеполаганию» [83].

При этом под самоорганизацией системы следует понимать процесс упорядочения элементов за счет их согласованного взаимодействия. Самоорганизующиеся системы отличаются наличием гибких приспособительных реакций на внешние воздействия, устойчивостью внутренних структур за счет постоянного самовоспроизводства. Их отличительным свойством является способность изменять свою структуру при взаимодействии с внешней средой, сохраняя при этом свойство целостности.

Здесь очень важен тот факт, что все социальные системы (в том числе тюремный социум) обладают свойствами самоорганизации [36,54,73].

Самоорганизующаяся сложная система обладает рядом характеристик. Во-первых, это так называемая решающая система. Она может принимать решения во взаимодействии с внешней средой и распределять локальные задания между подсистемами. Во-вторых, это информационная система, обеспечивающая сбор, переработку и передачу информации, необходимой для принятия глобальных

решений и выполнения локальных задач. Так как сложная система самостоятельно реализует глобальные решения, то она является также и управляющей системой. Кроме того, самоорганизующаяся система поддерживает динамическое равновесие внутри составляющих ее подсистем, регулирует потоки энергии и вещества в подсистемах, то есть является гомеостазной системой. Она накапливает опыт в процессе обучения для улучшения структуры и функций системы, другими словами, является также и адаптивной системой. Очевидно, что все эти признаки (переработка информации, управление, поддержание гомеостаза, адаптация к изменениям внешней среды, развитие, самосохранение и экспансия) характерны и для сообщества подчиняющихся «тюремному закону» осужденных, которое можно рассматривать как самоорганизующуюся социальную систему. Неформальное тюремное сообщество, подчиненное выполнению законов тюремной субкультуры, обладает свойством сложной неравновесной системы: оно оказывает сопротивление флуктуациям – действиям администрации исправительного учреждения. Например, «как только из тюремного социума изымаются «петухи», их место занимают новые «опущенные», стоит убрать из зоны одного «смотрящего», на его место приходит другой» [73].

Поэтому неудивительно, что среди некоторых ученых, занимающихся проблемами пенитенциарной системы, распространено мнение об общем кризисе института исполнения наказаний. В. Я. Семке, С. И. Гусев и Г. Я. Снигирева пишут по этому поводу: «Тюрьмы являются иллюстрацией противоречивости человеческого общества... С одной стороны, узникам надо помочь, с другой – их необходимо изолировать, так как они опасны для общества» [85].

Понимание основ теории систем и синергетики в определенной мере дает ответ на вопрос «Как бороться с тюремной субкультурой?». Если рассматривать ее в качестве самоорганизующейся социальной системы, становится ясным, что

существует три возможных варианта стратегии борьбы с тюремной субкультурой:

1. Тотальная деструкция системы.
2. Внедрение в систему элементов-инноваторов с созданием нового синтаксиса (правил взаимодействия элементов системы).
3. Лишение системы возможности репродукции ее элементов и связей между этими элементами.

Кратко охарактеризуем каждый из этих вариантов.

Тотальная деструкция системы

Так как тюремная субкультура с точки зрения теории систем представляет собой структурно-функциональное единство из-за наличия связей между ее первичными элементами (носителями тюремной субкультуры), то для деструкции тюремной субкультуры, как сложной системы, необходимо максимально ослабить: а) элементы, из которых состоит эта система; б) связи между этими элементами.

Именно по этому пути в течение веков шло человечество при определении наказания для преступников: их не просто казнили, но и изощренно пытали. Цель казни и пытки – это не только наказание преступника и получение необходимой информации, это нейтрализация и уничтожение активных членов преступного сообщества – элементов сложной социальной системы.

В наше время пытки признаются преступлением против человечности, а смертная казнь отменена в большинстве стран мира. Главным международным актом в области борьбы с пытками является «Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания», принятая в 1984 году и ратифицированная большинством стран мира. Что же касается смертной казни, то она не применяется в настоящее время в подавляющем большинстве государств – членов ООН.

Вторым подходом в уничтожении сложной социальной системы, каковой является тюремное преступное сообщество, является нивелирование связей

между элементами системы. Этот подход также известен с древности. Одиночные камеры, лишение узников общения друг с другом – все это с практиковалось при реализации наказания.

Нет никакого сомнения, что длительное одиночное заключение является одним из видов пытки. Исследовавший историю царской тюрьмы М. Гернет описал немало случаев, когда находившиеся в условиях социальной, а также двигательной, сенсорной и информационной депривации узники Шлиссельбургской и Петропавловской крепостей деградировали, сходили с ума, теряли дар речи.

Следует отметить, что описанный подход (ослабление коммуникаций между носителями преступной субкультуры при их содержании в местах лишения свободы) является весьма эффективным (исходя из мирового опыта). Так, например, сравнивая уровень развития тюремной субкультуры в различных странах, Н.А. Яковлев сделал вывод о том, что тюремная субкультура «достаточно широко распространена в Восточной Европе, но практически отсутствует в странах Западной Европы» в связи с тем, что, в отличие от России и стран Восточной Европы, в большинстве западных стран практикуется камерная система содержания осужденных [114].

Нужно также добавить, что в нашей стране несколько лет тому назад была предпринята попытка тотально заменить отрядную систему, где имелись неформальные отношения между отбывающими наказание гражданами, на тюремное заключение. Согласно Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года, принятой в 2010 году [46] к 2020 году в России, наряду с колониями-поселениями, планировалось создание обширной сети тюрем, с упразднением содержания осужденных в отрядах. Попытка реализации данного проекта закончилась неудовлетворительно из-за его большой стоимости.

Внедрение в систему элементов-инноваторов с созданием нового синтаксиса (правил взаимодействия элементов системы)

Суть данного подхода заключается в том, что вводимые в небольшом количестве в сложную систему новые составляющие приводят к изменению структуры и поведения системы. При этом возможны два варианта ее развития. Если система устойчива к появлению новых структурных единиц (инноваторов), то новый режим функционирования системы не возникает, а сами инноваторы либо гибнут, либо меняют свои свойства. Но если структурные флуктуации одерживают верх, то система перестраивается на новый режим функционирования.

На этом подходе до недавнего времени базировалось и частично базируется в наше время современное видение стратегии борьбы с тюремной субкультурой. В 1957 году руководством Коммунистической партии и правительством Советского Союза был начат эксперимент по масштабной перестройке системы исполнения наказаний. Государственная стратегия, предусматривавшая строительство коммунизма в отдельно взятой стране, предполагала перевоспитание преступников в добропорядочных граждан. Коммунистическая идеология относилась к преступности к «родимым пятнам» капитализма, отмирающим пережиткам предшествующей общественно-экономической формации. Главная цель наказания виделась не в возмездии за совершенное преступление, а в создании системы мер, направленных на перевоспитание и ресоциализацию преступников с целью подготовки поколения граждан, способных жить в светлом коммунистическом будущем (достижение которого планировалось Коммунистической партией на 80-е годы XX века). В Уголовном кодексе РСФСР 1960 года статья 20 гласила: «Наказание не только является карой за совершение преступления, но и имеет целью исправление и перевоспитание осужденных в духе честного отношения к труду, точного исполнения законов, уважения к правилам социалистического общежития...». Реформы предусматривали усиление политико-воспитательного аппарата, увеличение числа сотрудников, занимающихся воспитательной работой с осужденными. Тогда же были предприняты шаги к созданию так называемого

актива, состоящего из твердо вставших на путь исправления осужденных, которые наделялись функциями по пресечению нарушений общественного порядка, слежению за соблюдением режима другими осужденными, организации досуга, проведению культурно-массовой работы и т.п. Пенитенциарными учеными была предложена классификация осужденных по степени их исправления и перевоспитания. Выделялись следующие категории осужденных: 1) вставшие на путь исправления; 2) твердо вставшие на путь исправления; 3) доказавшие исправление; 4) не вставшие на путь исправления; 5) злостные нарушители [90]. Были разработаны критерии определения групп осужденных положительной, нейтральной и отрицательной направленности [15,102]. Была разработана система критериев перевоспитания [12], неоднократно дополнявшаяся и менявшаяся [87].

Согласно Положению об исправительно-трудовых колониях и тюрьмах Министерства внутренних дел РСФСР (Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 9 сентября 1961 г. N 154/3), вводилось раздельное содержание осужденных по степени их социальной опасности. Были созданы колонии четырех видов режима: общего (для впервые осужденных), усиленного (для впервые осужденных за тяжкие преступления), строгого (для судимых более одного раза), особого (для особо опасных рецидивистов), а также – учреждения с тюремным режимом (для осужденных, нуждающихся в изоляции).

Для поощрения твердо вставших на путь исправления осужденных стала использоваться возможность проживания в общежитиях на стройках народного хозяйства, прозванных «химией». В результате всех этих мер профессиональная преступность понесла значительные утраты.

Однако в дальнейшем (в полном соответствии с теорией синергетики) возглавляемая «ворами в законе» тюремная субкультура успешно миновала точку бифуркации системы, изменив свою структуру под воздействием флуктуации: преступным сообществом была выработана новая тактика и стратегия его поведения, заключающаяся в утверждении жесткой кастовой

иерархии и неприятию страты «красных» активистов, выполнявших (по внедряемому в сообщество осужденных ложному суждению) заказ администрации по доносительству и «прессованию» отбывающих наказание преступников. Возникли новые ритуалы и табу, произошло вовлечение в тюремную субкультуру большинства отбывающих наказание граждан [73].

В результате тюремная субкультура не разрушилась. Просчет в стратегии борьбы с нею привел к переходу режима функционирования системы на новый уровень: созданию жесткой иерархической структуры с образованием устойчивых страт осужденных, образованию новых правил и табу. При этом возникшая система деления на тюремные касты обрела свойство самовоспроизводимости. В условиях давления со стороны репрессивной советской государственной машины тюремная субкультура смогла выжить и укрепить свое влияние за счет создания новой системы общественных отношений в условиях отбывания наказания, вовлечения в свою патологическую структуру практически всех граждан, находящихся в местах лишения свободы. «А последовавшие за развалом СССР «лихие девяностые» подействовали на агрессивную тюремную среду как высококалорийное удобрение на негодный сорняк, выведя процесс репликации преступных паттернов на новый общественный уровень» [73].

Лишение сложной системы возможности репродукции ее элементов и связей между этими элементами

Данный подход заключается в том, чтобы лишить тюремную субкультуру социальной почвы, системы постоянной подпитки. Известно, что в социально ориентированном государстве организованная преступность и, следовательно, криминальная субкультура минимальны. Чем выше благосостояние населения страны, чем эффективнее проводится социальная политика, чем меньше разница между богатыми и бедными, тем слабее развиты у граждан антиобщественное мышление, сужена социальная база организованной преступности,

нивелировано криминальное мировосприятие и, следовательно, тюремная субкультура [73,117,120].

Поэтому, воздействовать на криминальную субкультуру должно общее улучшение социальной, экономической и нравственной атмосферы, так как только здоровое общество и сильное государство могут эффективно противостоять распространению криминальной и тюремной субкультур [30].

ГЛАВА 7. ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАСПРОСТРАНЕНИЮ ТЮРЕМНОЙ СУБКУЛЬТУРЫ В ОБЩЕСТВЕ

Естественно, что основное направление борьбы с проявлениями пенитенциарной (тюремной) субкультуры связано с нивелированием влияния ее непосредственных источников. При этом важную роль должна играть профилактика преступности. Одним из основных направлений в мерах предупреждения воспроизводства тюремной (и криминальной в целом) субкультуры должна стать деятельность по борьбе с ее пропагандой, проводимой посредством средств массовой информации, а также - нравственно-профилактическая работа, которая представляет просветительную, пропагандистскую деятельность в социальной среде, склонной к восприятию пенитенциарной субкультуры.

Говоря о средствах массовой информации, справедливо будет заметить, что с одной стороны, являясь одним из наиболее опасных источников пропаганды преступной субкультуры, они, с другой стороны, поддаются государственному и общественному контролю и регулированию, которые, к сожалению, на сегодня осуществляются крайне неэффективно. Как отмечает А.А. Федосеева, указанное «осуществляется неэффективно, фрагментарно, на уровне не согласованных между собой правовых актов, имеющих преимущественно подзаконный, ведомственный характер» [103].

Поэтому Ю.Ю. Тищенко и соавторы считают, что «для предотвращения популяризации пенитенциарной субкультуры в средствах массовой информации необходимо создать орган государственной власти или общественную организацию, которая имела бы соответствующие полномочия, и занимались бы частичной цензурой продукции, выпускаемой средствами массовой информации. При этом данный орган должен обладать правом запрета на тиражирование продукции, пропагандирующей криминальные ценности и призывающей совершать противоправные

поступки» [95].

Важным элементом борьбы с пенитенциарной субкультурой является воспрепятствование проникновению ее элементов в сознание подрастающего поколения [67]. Молодые люди должны научиться умениям распознавать приемы вовлечения их в криминальный социум, быть осведомлены об опасности контакта с его представителями, обладать развитым правовым сознанием. В этом направлении важная роль должна отводиться воспитанию в школах, детских учреждениях, домах-интернатах.

Существенным фактором борьбы с тюремной субкультурой является также формирование корпоративной этики сотрудников правоохранительных органов, борьба с любыми формами притяжения ими элементов тюремной субкультуры. Должна быть усилена работа с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, которые непосредственно сталкиваются в своей повседневной работе с носителями тюремной субкультуры.

Следующее направление предупреждения распространения тюремной субкультуры связано с осуществлением нравственно-реабилитационной работы с носителями этой субкультуры и лицами, относящимися к группе риска. Должна быть организована система преемственности работы правоохранительных органов при ресоциализации лиц, освобождающихся из мест лишения свободы.

Важным инструментом борьбы с пенитенциарной субкультурой является дальнейшая гуманизация уголовно-исполнительного законодательства. Последнее может быть достигнуто путем [95]:

- смягчения условий отбывания наказания;
- расширения возможности поддержания связи осужденных с родными и близкими на воле;
- тщательной дифференциации осужденных, в частности, по мотивации (агрессивная, неосторожная, корыстная и т.д.) при обязательном знании их личности и причин совершенного преступления;

- разложения отрицательных группировок осужденных, развенчания имиджа преступных лидеров и их перераспределения внутри исправительного учреждения;
- совершенствования воспитательной работы, как в целом, так и на индивидуальном уровне с использованием достижений психологии, медицины и педагогики, в ходе которой необходимо формировать у осужденных навыки правильного общения и взаимодействия;
- изменения отношения персонала исправительных учреждений к осужденным, выработки уважительного отношения к их правам и формирование такого же отношения у осужденных к администрации с помощью активного участия сотрудников в решении личных проблем осужденных, оказание реальной и действенной им помощи, защиты от посягательств со стороны осужденных отрицательной направленности [95].

Вообще, существует множество различных предложений и подходов к существующей проблеме [4,9,36,92,95,98,104,114]. Так, например, ряд авторов считает, что для нейтрализации действия тюремной субкультуры необходимы следующие мероприятия [цит. по 36]:

- вежливое обращение с осужденными;
- создание комиссий по этике;
- проведение анонимных социологических опросов осужденных;
- привлечение к воспитательным мероприятиям представителей религиозных конфессий.

В научном исследовании В.В. Тулегенова предложены следующие направления противодействия тюремной субкультуре: а) общие мероприятия б) специальные мероприятия в) индивидуальные мероприятия. Им разработаны рекомендации для органов уголовно-исполнительной системы по повышению эффективности использования уголовно-исполнительных и криминологических мер воздействия, а также - поправки в действующую нормативно-правовую базу [98].

В.М. Анисимков предлагает бороться с тюремной субкультурой посредством расширения общеобразовательного обучения осужденных, установления постоянных связей между ними и общественными, религиозными и иными организациями [4]. Автор особо подчеркивает необходимость создания правового поля, которое включало бы в себя позитивные ценности ориентации лиц, лишенных свободы [4].

Н.А. Яковлев предлагает внести изменения в действующую нормативно-правовую базу, выделяя три пути нейтрализации негативного влияния тюремной субкультуры, которые включают в себя педагогическую, религиозную и организационно-правовую составляющие [114].

Н.В. Тищенко предлагает комплекс мер, который условно можно разделить на три составляющие: 1) реформирование государственной политики в сфере наказания 2) реформирование институтов гражданского общества, связанных с правозащитной деятельностью 3) внесение существенных изменений в деятельность образовательной системы, средств массовой информации [93].

Устойчивое существование криминальной субкультуры в нашей стране ученые объясняют нерешенностью задач обеспечения справедливого социального устройства [43,98,103,111], предлагая целый комплекс мер, направленных на «оздоровление» российского общества, формирование новой государственной идеологии и борьбу с пропагандой криминальных ценностей в СМИ [97]. Известно, что «чем терпимее, открытее общество, тем менее «злостны» его субкультуры» [114].

Так, В.В. Тулегенов, например, отмечает, что пассивность уголовно-исполнительной политики нашего государства способствует укоренению тюремной субкультуры [98]. Нередки случаи, когда у осужденного имеется «завидный» тюремный багаж (от 5 до 10 и более «ходов») которым он гордится и который свидетельствует о его криминальном авторитете. Совершенно ясно, что проведение воспитательной и психологической работы с таким индивидуумом либо бессмысленно, либо связано со значительными

трудностями. Может быть имеет смысл взять на вооружение американскую систему «трех ударов», в результате использования которой у рецидивистов исчезает желание совершать повторные преступления.

Если рассматривать тюремную субкультуру не только как совокупность материальных (относящихся к живой и неживой природе) объектов, находящихся в определенных взаимоотношениях друг с другом, но также и оценивать ее как совокупность «культурных кодов, воплощающих базовую для культуры информацию» [93], т.е. развивающийся во времени информационный массив, составные элементы которого передаются от одного носителя к другому внегенетическим путем, реплицируя индивидуальные программы поведения элементов системы, то задача нейтрализации тюремной субкультуры заключается в том, чтобы лишить ее возможности самовоспроизводства путем максимального ослабления интенсивности контактов между носителями «воровской идеологии» - первичными элементами этой сложной системы.

Исходя из того, что тюремная субкультура «вырабатывается опытом преступной деятельности, сохраняется и передается из поколения в поколение в среде преступников» [60] и «повторяемость информации, ее закрепление обеспечивается длительностью сроков заключения, многолетним пребыванием в колонии» [81], то для нейтрализации тюремной субкультуры представляется логичным лишить ее возможности самовоспроизводства за счет сокращения времени контакта между участниками культурного процесса [98]. Указанное позволит нарушить «устойчивые механизмы трансляции обычаев, опыта и властеотношений» [96], характерных для тюремной субкультуры. Поэтому В.М. Анисимков, предлагает введение ограничений на применение наказания в виде лишения свободы, для исключения возможности вхождения новых осужденных в орбиту криминальных взаимоотношений [4]. Л. Самойлов (Л.С. Клейн) добавляет к этой задаче необходимость повышения «общего уровня гуманистической культуры народа» [81].

Таким образом, для решения рассматриваемой проблемы необходимо изменить существующую концепцию исполнения наказания в виде лишения свободы, максимально снизив возможность вхождения осужденных в орбиту криминальных взаимоотношений.

Именно в этом направлении реализуется сегодня пенитенциарная политика нашего государства: наблюдается возрастающая гуманизация условий содержания, вводятся альтернативные меры наказания, неуклонно сокращается численность лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, развивается институт ресоциализации.

Главные причины живучести криминальной (и, следовательно, тюремной) субкультуры в нашей стране ученые видят в следующем [36,98]: 1) тотальная маргинализация российского общества (безнадзорность, проституция, наркомания, алкоголизм и т.д.) 2) отсутствие «российской мечты» 3) деструктивная, популяризирующая криминальную культуру, деятельность средств массовой информации [36].

Для решения этих задач В.В. Тулегеновым предлагается три комплекса мероприятий.

Первый комплекс мероприятий (борьба с маргинализацией российского общества [36]) должен быть «направлен на «оздоровление» российского общества: повышение уровня жизни, улучшение социальной защищенности граждан, борьба с беспризорностью, уменьшение безработицы, антиалкогольная кампания, борьба с наркоманией, токсикоманией и др.» [98].

Второй комплекс мероприятий (отсутствие «российской мечты» [36]) должен быть «направлен на формирование новой ментальности. В данном комплексе приоритет должен быть отдан деятелям культуры, науки, духовным лидерам, которые, опираясь на вечные ценности, смогли бы создать новую ментальность, отвечающую духу времени» [98].

Третий комплекс мероприятий (борьба с деструктивным влиянием СМИ [36]) должен быть «направлен на борьбу с популяризацией криминальной субкультуры в средствах массовой информации» [98].

С учетом вышеизложенных задач авторами монографии предлагается обратиться и к опыту китайских коллег, где указанные проблемы решаются комплексно, входя в общую парадигму планирования развития китайского государства. Например, в Китайской Народной Республике: 1) государство и правящая коммунистическая партия успешно борются с социальными пороками, 2) общество сплочено идеей строительства «социализма с китайской спецификой», 3) средства массовой информации осуществляют свою деятельность под контролем государства. Эффективная совокупность действий этих мер ведет к неизбежному снижению влияния криминальной и тюремной субкультур в обществе. Также следует добавить, что в доктрине уголовно-исполнительной политики Китайской Народной Республики акцент сделан как на перевоспитание граждан, совершивших уголовные деяния, так и на усиление мер наказания с обязательным трудом во время всего срока лишения свободы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В монографии представлены материалы, касающиеся сущностного содержания тюремной (пенитенциарной) субкультуры, ее генезиса, особенностей проявления, а также – рассмотрены меры, направленные на борьбу с тюремной субкультурой. Показано, что тюремная субкультура в настоящее время активно взаимодействует с традиционной культурой российского общества, осуществляя экспансию на его ценности, негативно трансформируя социокультурное пространство.

Учитывая особенности взаимодействия пенитенциарной субкультуры с традиционной культурой авторами рассмотрены несколько фаз развития тюремной субкультуры во времени. Особое внимание при этом уделено проблеме расширения социального базиса пенитенциарной субкультуры, ее встраивания в общекультурный контент.

В качестве отдельной, весьма важной, проблемы рассмотрены вопросы развития тюремной субкультуры в условиях информационного общества. Подчеркнуто, что наблюдающаяся в настоящее время мифологизация и романтизация тюремной жизни и преступного мира в целом осуществляется во многом искусственно, по вольному или невольному посылу носителей криминального сознания, оказавшихся в 90-е годы XX века у кормила власти, в бизнесе и в политике. Управление информационными ресурсами и средствами массовой информации при этом выступает в качестве мощного механизма воздействия на общественное сознание, генерируя новое содержание социокультурной парадигмы. СМИ являются механизмом, способным эффективно и в короткое время формировать любой (как позитивный, так и негативный) взгляд на существующие в обществе проблемы. Этим пользуются в настоящее время теньевые лидеры преступного мира и организаторы противозаконного бизнеса.

Особое внимание в монографии уделено проблемам молодежной преступности, так как именно молодежь является «кадровым резервом»

преступного мира. Неготовность к переменам и неспособность государства и его правоохранительных органов в полной мере противостоять новому молодежному течению «АУЕ» приводит к тому, что нормы и ценности тюремной субкультуры активно инфильтрируются в молодежную среду, формируя преступный андеграунд: сообщества подростков, построенные по типу тоталитарных сект, конструкт которых основан на принципах взаимоотношений, царящих в сообществах заключенных, вовлеченных в тюремную субкультуру.

В монографии сделана попытка осмыслить происходящие в тюремной субкультуре процессы с позиции теории систем и с точки зрения этологии человека. Показано, что в целом рассматриваемые явления характерны для диссипативных структур, имеющих сложный иерархический, многоуровневый характер организации. Сообщество заключенных как социальное явление подчиняется законам, приложимым к сложным системам, обладая всем набором качеств, характерных для этих систем.

В результате проведенного анализа рассмотрены и подходы к нивелированию негативного влияния тюремной субкультуры на коллективы осужденных. Показано, что основными направлениями борьбы с тюремной субкультурой является решение не только внутриведомственных проблем, но и потребность в коренных изменениях в российском обществе в целом. При этом основными «реперными точками» видятся несколько ключевых пунктов, среди которых главными являются, в частности, 1) борьба с социальными пороками, социально-направленная политика государства 2) выработка позитивной государственной идеологии 3) запрет на пропаганду ценностей тюремной субкультуры в средствах массовой информации 4) выработка новой стратегии работы социального института исполнения наказаний. В частности, составными частями этой стратегии должны быть: гуманизация условий содержания, расширение зоны применения альтернативных мер наказания, развитие института постпенитенциарной ресоциализации и круг прочих мероприятий,

направленных на снижение возможности вхождения осужденных в орбиту криминальных взаимоотношений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аберкромби Н., Хилл С., Тернер Б. Социологический словарь.- М.: Экономика, 2004.-212 с.
2. Александров Ю. К. Табель о рангах в преступном сообществе (деление на масти) // Очерки криминальной субкультуры. Краткий словарь уголовного жаргона. - М.: Права человека, 2002.-212 с.
3. Александров Ю. К. Очерки криминальной субкультуры.- М.: Права человека.- 2012.- 152 с.
4. Анисимков В.М. Криминальная субкультура и ее нейтрализация в исправительных учреждениях России/ Дис. ... докт. юрид. наук.- М.: Академия управления МВД РФ, 1998. - 318с.
5. Анисимков В.М. Россия в зеркале уголовных традиций тюрьмы/ СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.-210 с.
6. Анисимков В.М. Традиции и обычаи преступного мира среди осужденных в местах лишения свободы. Учебное пособие. - Уфа: УВШ МВД РФ, 1993, -126 с.
7. Антонян Ю.М. Глубинные истоки криминальной субкультуры// Российский криминологический взгляд. М., 2009- № 2.- С. 324-331.
8. Антонян Ю.М., В.Е. Эминов Личность преступника: криминологическое психологическое исследование. М.: НОРМА, 2014.-368 с.
9. Антонян Ю.М., Верещагин В.А., Калманов Г.Б. Тюремная субкультура и нейтрализация ее негативных проявлений // Государство и право. -1996. - № 10. - С. 72-79.
10. Антонян Ю.М. Архетип и преступность.- М.: Вече, 2009.-448 с
11. Анфиногенов В.А. Субкультура осужденных и ее влияние на их поведение в условиях изоляции: дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2016. – 156 с.

12. Астемиров З.А. О сущности и критериях исправления осужденных // Вопросы исправления и перевоспитания заключенных. - Ростов-на-Дону, 1966. - 23-24.
13. Бабаев М.М. Социальные последствия преступности: Учебное пособие. М. : Академия МВД СССР, - 1982. - 200 с.
14. Багреева Е.Г. Субкультура осужденных и их ресоциализация. М.: ВНИИ МВД РФ, 2001. - 164 с.
15. Байдаков Г.Л., Сафронов В.Н. Самоуправление осужденных: предпосылки и возможности // Проблемы уголовно-исполнительного законодательства в свете правовой реформы: Сборник научных трудов. - М.: ВНИИ МВД СССР, 1991. - С. 53.
16. Балдаев Д.С. Словарь блатного воровского жаргона / М.: Кампана, 1997. - Т. 1-2. - 212 с.
17. Балдаев Д.С. Татуировки заключенных / СПб.: Лимбус Пресс, 2001. - 212 с.
18. Барабанов Н.П. Криминологическая и психологическая характеристика криминальной субкультуры осужденных // Уголовно-исполнительное право, 2014. - № 2. - С. 28-36.
19. Блохин Ю.И. Организационно-правовые меры нейтрализации негативного влияния групп осужденных отрицательной направленности в тюрьмах: автореф. дис ... канд. юрид. наук. - Ростов на Дону, 1999. - 22 с.
20. Блохин Ю.И. Призонизация как проблема исправления осужденных // Юридический вестник. 1999. - № 1 (09). - С. 88-89.
21. Бронников А.Г. Татуировки осужденных, их классификация и криминалистическое значение. (Альбом) / М.: Академия МВД СССР, 1980. - 212 с.
22. Бутов М. CD-обозрение Михаила Бутова. «Мурка» для Бога. // Новый мир. - 2003. - № 8. - С. 2-12.

23. Герасимова Ю.Р. Социальный облик осужденного, отбывающего наказание в пенитенциарном учреждении: на материалах Иркутской области: дисс. канд. социол. наук.- Улан-Уде.- 2013.- 124 с.
24. Гишинский Я. И. Призонизация по-российски // Отечественные записки.- 2003.- №2.- С. 434-441.
25. Гишинский Я.И. Субкультура за решеткой // Советская этнография.- 1990.- №2.-С.100-103.
26. Громов В.Г. Криминогенность мест лишения свободы и ее нейтрализация: автор.- Дисс. д-ра юрид. наук.- Тамбов, 2009.- 35 с.
27. Громов В.Г. Реализация принципов уголовно-исполнительного законодательства при исполнении наказания в виде лишения свободы// Современное право.- 2008.- №9.- С. 23-28.
28. Данилевская М.В., Куликов Н.И., Сафиуллин Н.Х. Особенности преступного поведения несовершеннолетних / Казань, 2009. - 85 с.
29. Дмитриев Ю.А., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология /учебник.- Ростов-на-Дону, Феникс.-2007.-681 с.
30. Донских Д.Г. Противодействие криминальной субкультуре в обществе (криминологические проблемы) / автореф. дисс. канд. юр. наук.- М., 2010.- 35 с.
31. Дубягина О.П., Дубягин Ю.П., Смирнов Г.Ф., Культ Тату (криминальная и художественная татуировка)/ М.: Юриспруденция, 2003.- 240 с.
32. Еникеев М.И. Основы общей и юридической психологии/ М.:Юрист.- 2005.-457с.
33. Ефимова Е. С. Современная тюрьма: Быт, традиции, фольклор/ М.: РГГУ Институт высших гуманитарных исследований. Центр типологии и семиотики фольклора, ОГИ, 2004. - 398 с.
34. Зорина З.А., Полетаева И.И., Резникова Ж.И. Основы этологии и генетики поведения/ М.: Высшая школа – 2002.- 379 с.

- 35.Зубкова В.И. Исправление осужденных как цель уголовного наказания и средства ее достижения // История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний.- Материалы Международной научно-практической конференции. Часть 2.- М.: НИИ ФСИН России, 2009.- С. 43-48.
- 36.Иванова А.А. Криминальная культура как детерминант преступности// Всероссийский криминологический журнал.-2017. -№4.- С 671-681.
- 37.Кабо В. Р. Вечное настоящее // Австралийская мозаика. Сидней.- 2004.- № 8.- С. 57-74.
- 38.Кабо В. Р. Структура лагеря и архетипы сознания//Советская этнография. -1990.- № 1.-С. 108—114.
- 39.Каган М.С. Философия культуры/ СПб.- 2001.-212 с.
- 40.Казак Б.Б. Безопасность уголовно-исполнительной системы: монография / под ред. С.Н. Пономарева, С.А. Дьячковского. Рязань: Академия права и управления Минюста России, 2002. - 324 с.
- 41.Катин В.И. Криминальный романтизм как явление культуры современной России/ Автореф. дисс. . канд. культурологии.- Саратов, 2007. - 20 с.
- 42.Клейменов М.П. Криминализация общества в России: культурологический аспект// Преступность и культура М.: Криминологическая ассоциация.- 1999.- С. 19-23.
- 43.Клейменов М.П. Криминология/ М., НОРМА, 2009.-448 с.
- 44.Клейменова Е.Г. Тюремная субкультура как особый вид социального взаимодействия// Вестник удмуртского университета. Серия Философия.Социология.Психология.Педагогика.- 2012.-№3.-С.33-37.
- 45.Клейн Л. С. Проблема смены культур и теория коммуникации // Количественные методы в гуманитарных науках.- М., 1981.- С. 18-23.
- 46.Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года.- Распоряжение Правительства Российской Федерации от 14 октября 2010 г. N 1772-р.

- 47.Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и её криминологическое значение/ СПб "Юридический центр Пресс", 2006. - 243 с.
- 48.Криминология: Учебник для вузов / Под общ. ред. А. И. Долговой. 3-е изд., перераб. и доп.- М., 2007.- 560 с.
- 49.Кузьмин С.И. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы. 30-е и первая половина 40-х годов // Преступление и наказание.- 1995.-№ 1.-С. 35-39.
- 50.Кузьмин С.И. Организованные преступные группировки в местах лишения свободы. Послевоенные годы // Преступление и наказание. - 1995. - №3.- С. 23-27.
- 51.Лебедев С.Я. Антиобщественные традиции, обычаи и их влияние на преступность: Учебное пособие/ Омск: ВШМ МВД СССР, 1989. – 12 с.
- 52.Лихачев Д. С. Черты первобытного примитивизма воровской речи // Язык и мышление.- Т. III-IV. -Л., 1935.- С. 47-100.
- 53.Лысак И.В, Черкасова Ю.Ю, Методологические проблемы исследования тюремной субкультуры// Гуманитарные и социально-экономические науки.- 2008.- №5.- С.81-85.
- 54.Лысак И.В., Черкасова Ю.Ю. Тюремная субкультура в России/ Таганрог: Изд-во ТРТУ, 2006. – 112 с.
- 55.Лысак И.В., Черкасова Ю.Ю. Тюремная субкультура в России: философско-культурологический анализ. Saarbrücken (Germany): LAMBERT Academic Publishing, 2012. - 84 с.
- 56.Макаров В.В. Криминальная субкультура как внутренний источник воспроизводства преступности // Российский следователь.- 2014.-№4.- С.40-42.
- 57.Мацеевич И.М. Мифы преступного мира/ М., Проспект.-2012.-368 с.
- 58.Месарович М. Такаха Я. Общая теория систем: математические основы. М. : Мир, 1978.- 254 с.

59. Мокрецов А.И., Новиков В.В. Личность осужденного: социальная и психологическая работа с различными категориями лиц, отбывающих наказание/ Учебно-методическое пособие Издание 2-е, исправленное.- М. НИИ ФСИН России, 2006.- 220 с.
60. Некрасов А.П., Кондрат И.Н., Третьяков И.П. Субкультура в местах лишения свободы и историческое ее развитие// Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России.- №4 (28).-2005.- С. 251-256
61. Овчинский А.С. Информационные воздействия и организованная преступность/ Курс лекций.- М., 2007.-512 с.
62. Олейник А.Н. «Жизнь по понятиям»: институциональный анализ повседневной жизни «российского простого человека/ ПолИс.- 2001.-№2.- С.40-51
63. Олейник А.Н. Маргиналы или мажоры: как субкультура становится элементом культуры // Неприкосновенный запас.- 2004.- №4 (36). –С. 96-100.
64. Олейник А.Н. Тюремная субкультура в России: от повседневной жизни до государственной власти/ М.: ИНФРА, 2001.-418 с.
65. Пархоменко Е.В. Язык как способ бытия субъекта (на материале локальной языковой системы - воровского арго) автореф дисс. канд. филос. наук.- Краснодар, 2019.-25 с.
66. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура)/ Тверь: ИПП «Приз», 1994.-135 с.
67. Пирожков В.Ф. Криминальная психология. Психология подростковой преступности./ М., 2000. - 304 с.
68. Пирожков В.Ф. Криминальная субкультура: психологическая интерпретация функции, содержания, атрибутики // Психологический журнал. - 1994.-Т. 15.- №2. - С. 38-51.

69. Письменный Е. В. Социокультурная сущность и динамика мифологии тюремно-воровской субкультуры/ Автореф. дисс. культурол., Челябинск, 2012.- 20 с.
70. Пищелко А.В., Сочивко Д.В. Реадаптация и ресоциализация/ М., ПЕР СЭ.- 2003, -208 с.
71. Подлесских Г., Терешенок А. Воры в законе: бросок к власти/ М.: Художественная литература, 1995.-254 с.
72. Полубинская С.В. Цели уголовного наказания/ М., 1990.- 102 с.
73. Пономарев С. Б. Криминальная субкультура с позиции этологии человека и теории систем. Ижевск : ИжГТУ им. М. Т. Калашникова, 2017.- 144 с.
74. Пономарев С. Б., Пустовалов А. Р. Кастовое общество средневековой Индии и российская криминальная субкультура: социокультурные параллели.- Правовая культура 2017.-№3 (30).-С. 38-44.
75. Пономарев С.Б. К проблеме этологии тюремных сообществ/ Современное состояние и пути развития популяционной биологии. Материалы 10 Всероссийского популяционного семинара.- Ижевск, 17-22 ноября, 2008 г.- Ижевск, Книгоград, 2008.-С. 413-416.
76. Пономарев С.Б., Половникова А.А., Тоцкий С.И., Чубаров А.Л. Синдром тюремной социальной депривации в молодом возрасте/ Екатеринбург: УрО РАН, 2008.- 148 С.
77. Пригожин И. Р., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой. М. : Прогресс, 1986.- 432 с.
78. Пыхалов И.В. Время Сталина: факты против мифов.- Издательский дом. «Казачий курень», 2007.-220 с.
79. Реверчук И.В. Возможные популяционные детерминанты неврозогенеза: психодинамические и бихевиоральные аспекты// Актуальные проблемы психиатрии и наркологии.- Ижевск, 2007 .-С. 98-106.

80. Рыбаков А.А. Профессиональная преступность: основные понятия и направления пресечения ее органами внутренних дел/ М.: ВЮЗШ МВД :РФ. 1993.-234 с.
81. Самойлов Л. (Л.С.Клейн) Этнография лагеря // Советская этнография.- 1990.- № 1.- С. 96-108.
82. Самойлов Л.(Л.С.Клейн) Путешествие в перевернутый мир // Нева. - 1989. - № 9.- С. 150-165.
83. Саридис Д. Самоорганизующиеся стохастические системы управления/ М.: Наука, 1980.- 397 с.
84. Сидоров А.А. Великие битвы уголовного мира. История профессиональной преступности Советской России. Книга вторая (1941-1991 г.г.) В 2-х т.т./ Ростов-на-Дону, МарТ, 1999.-257с.
85. Семке В.Я., Гусев С.И., Снигирева Г.Я. Пенитенциарная психология и психопатология: рук-во в 2-х т. / М., Томск; Кемерово, 2007.- т.2.- 576 с.
86. Снегов С. Язык, который ненавидит. - М.:«Просвет», 1991.-256 с.
87. Соколов С.А. Проблемы определения критериев и степени исправления осужденных к лишению свободы.- История развития и современное состояние пенитенциарной науки, медицины и практики исполнения наказаний// Материалы Международной научно-практической конференции.- М.- НИИ ФСИН Росии.-2009.- С.66-70.
88. Старков О. В. Криминальная субкультура: спецкурс.- М.: Wolters Kluwer Russia, 2010. - 232 с.
89. Степин В.С. Культура// Новая философская энциклопедия Т.2 -М.,2001.- 212 с.
90. Сундуров Ф.Р. Социально-психологические и правовые аспекты исправления и перевоспитания правонарушителей/ Казань.-1976.-59с.
91. Тайбаков А.А. Преступная субкультура // Социологические исследования. 2001. - №.3. –С.90-93.

92. Тищенко Н.В. Интерпретация тюремной субкультуры в отечественной художественной культуре/ Саратов, ООО «Издательский Центр «Наука».- 2012. – 184 с.
93. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура в пространстве культурных практик/ Дисс... докт. культурол. наук.- Саратов, 2013.-349 с.
94. Тищенко Н.В. Тюремная субкультура: понятие, характеристика, особенности// Вестник СГТУ.- 2013.-№2 (70).- С. 229-233.
95. Тищенко Ю.Ю., Румянцев Н.В., Дугенец А.С., Анфиногенов В.А., Ширкин А.А., Матросов Д.А. Современное состояние пенитенциарной субкультуры в среде осужденных, содержащихся в исправительных колониях: аналитический обзор. - М.: ФКУ НИИ ФСИН России, 2019. - 40 с.
96. Ткачева Е.П. Мифосемиотика тюремной субкультуры в контексте маргинального сознания/ Дисс... канд. культурол. наук.- Киров, 2009.- 145 с.
97. Тулегенов В.В. Криминальная культура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями// Вестник Астраханского государственного технического университета.- 2005.-№5(28).- С. 220-226.
98. Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение/ Дисс... канд. юр. наук.- Ростов-на-Дону.- 2003.-228 с.
99. Уваров И.А. Идеология пенитенциарного сообщества в механизме латентизации пенитенциарной преступности// Вестник Северо-Кавказского гуманитарного института.- 2012.-№3.- С.119-123.
100. Усс А. Допустимо ли исправлять осужденных // Человек: преступление и наказание.- 1994.- №1.- С.29-30.
101. Ушатиков А.И., Казак Б.Б. Пенитенциарная психология: Учеб. 2-е изд., перераб. и доп/ Рязань: Академия права и управления Минюста России.- 2003.-758 с.

102. Фаттахов С.Г. Неформальные организации осужденных и управление ими // Биологическое и социальное в личности преступника и проблемы ее ресоциализации: Сборник научных трудов по материалам научно-теоретической конференции 21-22 октября 1993 г. - Уфа: УВШ МВД РФ, 1993. - С. 143.
103. Федосеева А.А. Криминальная субкультура как агент социализации молодежи/ автореф. канд. социол. наук.- Майкоп, 2012.-24 с.
104. Федосеева А.А. Социально-педагогическая коррекция криминальной субкультуры// Вестник Адыгейского государственного университета.- 2007.- № 3.- С. 34-38.
105. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы/ М.: Ad Marginem, 1999.- 408 С.
106. Хакен Г. Синергетика/ М.: Мир, 1980.-405 с.
107. Ханипов Р.А. Укорененность тюремных и криминальных практик в культуре современного российского общества// Мир России.- 2008.- №3.- С. 132-148.
108. Черкасова Ю.Ю. Миф в контексте тюремной субкультуры (на примере российской тюремной мифологии) / дисс. канд.филос. н., Ростов-на-Дону, 2009.- 155 с.
109. Шаламов В. Очерки преступного мира/ М., 1960.-212с.
110. Шарандина Н.Н. Арготическая лексика в функциональном аспекте.- автореф дисс канд.филолог. наук.- Тамбов, 2000.- 22 с.
111. Шемякина В.В. Криминальная субкультура в современной России/ Дисс...канд.юр.наук.-Челябинск,2010.-201 с.
112. Шнайдер Г.Й. Криминология: пер. с нем. / под общ. ред. и предисл. Л. О. Иванова. М.,; 1994. – 428 с.
113. Шпак С.В. Криминальная субкультура молодежи в условиях современного общества: социально-философский аспект// Историческая и социально-образовательная мысль.- 2012.- №1.- С.270-274.

114. Яковлев Н.А. Тюремная (пенитенциарная) субкультура как криминогенный фактор и перспективы нейтрализации ее негативного влияния/ Дисс... канд.юр.наук, Елец, 2006.-228 с.
115. Clemmer D. The Prison Community /New York.- 1940.-212 p.
116. Foucault M. Surveiller et punir: Naissance de la prison. - Paris: Gallimard, 1975. - 328 p.
117. Hooghe M. Vanhoutte B., Hardyns W., Bircan T. Unemployment, Inequality, Poverty and Crime: Spatial Distribution Patterns of Criminal Acts in Belgium, 2001–06 // Br J Criminol.-2011.-№1 (51).- P. 1-20.
118. Mathiesen T. Prison on Trial: A Critical Assessment, London 1990 .-212 p.
119. Platek M. Prison subculture in Poland// International Journal of Sociology of Law.- 1990.- Vol 18.- № 4.- P. 459-460
120. Rodger J. J. Criminalising social policy: anti-social behaviour and welfare in a de-civilised society (Cullompton Willan,2008) Review by Morgan R. // Br J Criminol.-2010.-№1 (50).-P. 145-147.
121. Tinbergen N. On Aims and Methods in Ethology// Z. Tierpsychol.- 1963.- V.20.- №5.- 410 p.
122. Whitfield J. Other neoliberal penalties: Marching Powder and prison tourism in La Paz // Theoretical Criminology.- 2016.- № 3.- P. 358–375.
123. Zedner L. Penal subversions: When is a punishment not punishment, who decides and on what grounds? //Theoretical Criminology.- 2016.- №2.- P. 3-20.

Подписано в печать 11.09.2020. Гарнитура Times New Roman. Формат 60×84/16. Усл. п. л. 5,58. Тираж 1000 экз. Заказ № 146 Оригинал-макет подготовлен и тиражирован в ООО «ЭПИЦЕНТР» 308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40